

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
НА АЛТАЕ**

БАРНАУЛ-1987

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Посвящается памяти А.П.Окладникова

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА АЛТАЕ

Барнаул 1967

Археологические исследования на Алтае: Межвузовский сборник научных статей. - Барнаул: изд. Алтайск. ун-та, 1987. - 205 с.

Публикуются новейшие археологические материалы, полученные в результате исследований авторов на Алтае, рассматриваются датировка и культурная принадлежность памятников, культурно-хозяйственные типы региона.

Науч. спец. 07.00.06.

Р е д а к ц и о н н а я   к о л л е г и я:

кандидат исторических наук Д.Ф.Кирюшин - отв. редактор;
доктор исторических наук, профессор В.И.Матющенко;
доктор исторических наук Л.А.Чиндрина.

Р е ц е н з е н т ы:

сектор бронзового и железного века института истории, филологии
и философии СО АН СССР;
доктор исторических наук В.И.Молодин.

Темплан Минвуза РСФСР 1987 г., п. 381

Алтайский государственный университет, 1987

А.К.Конопацкий

(Институт истории, филологии и философии СО АН СССР,
Новосибирск)

АКАДЕМИК А.П.Окладников -
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ДРЕВНИХ КУЛЬТУР АЛТАЯ

Древние памятники Алтая занимают особое место в научной биографии выдающегося советского ученого, крупнейшего историка археолога и этнографа современности академика Алексея Павловича Окладникова (1908-1981). В 1981 г. он, как бы подводя итоги своего творческого научного пути, отмечал, что с Алтаем у него связано одно из трех наиболее интересных и замечательных открытий, которые он называл звездными часами, - стоянка Удалинка в Горно-Алтайске, два других - это палеолитическое поселение Буреть на Ангаре, открытое в 1936 г., и погребения неандертальского человека в гроте Ташик-Тад в Узбекистане, обнаруженные в 1938 г. Эти открытия явились крупным вкладом в отечественную и мировую науку.

О жизни и деятельности А.П.Окладникова написано много, но многое еще предстоит сделать. Отметим книги В.Е.Ларичева "Сорок лет среди сибирских древностей" /1/, А.П.Деревинко "В поисках оленя Золотых рогов" /2/, "Алексей Павлович Окладников" /3/.

Родился А.П.Окладников в Сибири, на Верхней Лене, в семье сельского учителя. Здесь же совершил свои первые экспедиции. По путевке укома комсомола поступил учиться в Иркутский педагогический техникум, а затем в пединститут. Во время учебы А.П.Окладников занимался в археологическом кружке, созданном при Иркутском университете профессором П.Э.Петри, что окончательно определило им выбор профессии. Многочисленные экспедиции по Прибайкалью и Забайкалью, работа в архивах послужили хорошей основой при создании обобщающих трудов и разработке хронологии древних памятников. Важным этапом в становлении ученого явилось обучение в аспирантуре Государственной Академии истории материальной культуры в Ленинграде в 1935-1938 гг. под руководством выдающегося советского исследователя палеолита академика АН УССР П.П.Ефименко.

По приглашению основателя Сибирского отделения Академии наук СССР академика М.А.Давурьянова А.П.Окладников начал работать

в Новосибирске. К моменту своего первого приезда на Алтай в 1961 г. он имел богатейший опыт поиска и изучения древних культур в Северной, Центральной, Восточной и Средней Азии, обследовал большое количество памятников от Красноводского полуострова на Каспии на западе до Колымы и Тихоокеанского побережья на востоке, от полуострова Таймыр на севере до Термеза на юге. Им было выделено множество культур различных эпох — от палеолита до раннего средневековья, а обобщающие труды по истории Якутии, Бурятии, Прибайкалья, Приморья получили широкое признание историков и археологов у нас в стране и за рубежом, многие из них были переведены на другие языки. Можно с полным правом сказать, что изучением древних культур Алтая А.П.Окладников занялся будучи в расцвете своих творческих сил, знания и опыта. И первая встреча с алтайскими древностями надолго определила направление дальнейшего поиска и углубленных исследований. Некоторые детали открытия на реке Улалинке описаны А.П.Окладниковым в его книге "Открытие Сибири", выдержавшей три издания, в главе "На крутом Улалинском холме". Обнаруженные здесь орудия, обработанные рукой древнего человека, произвели на исследователя большое впечатление своей грубостью и примитивностью, что было явным свидетельством их глубокой древности. И хотя вопрос о подлинном возрасте находок был далек от окончательного решения, это открытие получило освещение в фундаментальном исследовании — первом томе пятитомной "Истории Сибири", подготовленном учеными сибиреведами Советского Союза в 60-е гг. и позже удостоенном высокой оценки — Государственной премии СССР за 1973 г.

Не делая односторонних выводов, А.П.Окладников отнес улалинские находки к числу предположительно наиболее древних на территории Сибири, сравнивая их по характеру обработки с древнейшими орудиями такого рода из Пенджаба на полуострове Индостан и "галечными орудиями" Африки, и высказался за возможное отнесение их к эпохе нижнего палеолита, т.е. ко времени, предшествующему мустьерской, а, может быть, ашельской культуре. "Можно предполагать, таким образом, — писал он, — что в Горно-Алтайске имеются древнейшие, известные в настоящее время на территории Сибири следы человека, которые так или иначе уходят в своем истоке в те счастливые страны земного шара, где наш предок проходил свое подлинное детство, делал первые шаги от зверя к че-

ловеку" /4, с.42/. Исходя из этих находок, он считал Алтай важным звеном в процессе заселения древним человеком Сибири, независимо от того, откуда оно происходило, а в последнее время, когда возраст Улалинской стоянки стал определяться более четко, неоднократно высказывал мысль о том, что, возможно, в этом памятнике мы имеем один из тех самых центров, откуда в дальнейшем шло заселение других частей Северной Азии. Необходимо отдать должное прозорливости и научной добросовестности А.П.Окладникова, сразу же оценившего значение открытия в Горно-Алтайске. Осознавая всю свою ответственность как ученого-археолога перед наукой будущего, он не торопился с раскопками Улалинского холма, которые могли привести к частичному или полному уничтожению или разрушению этого уникального памятника, и тем самым продемонстрировал пример бережного отношения к следам древней культуры, к сохранению их для будущих поколений исследователей, на вооружении которых могут появиться более совершенные и точные методы, позволяющие получить максимально полную информацию о той далекой эпохе.

Конечно, в том, что на Улалинке найдены настоящие орудия, сомнения не было. Необходимо было уточнить возраст геологических отложений, включающих в себя следы деятельности человека. Для этого были привлечены наиболее авторитетные специалисты в области геологии четвертичных отложений Сибири: член-корреспондент АН СССР В.Н.Сакс, доктор геолого-минералогических наук В.А.Волков, кандидаты геолого-минералогических наук С.Л.Троицкий, О.М.Адаменко, палеонтолог Н.Д.Сводов и другие. Их заключение было единодушным: Улалинка старше 150-200 тыс. лет. Предел этого возраста еще не был точно определен, но служил хорошим отправным пунктом дальнейших исследований и ставил этот памятник в число древнейших в Сибири.

Бывая почти ежегодно на Улалинке, А.П.Окладников, как правило, ограничивался сборами подъемного материала или небольшими расчистками, принимая меры к сохранению памятника от возможного разрушения и ведя подготовку к его комплексному изучению, археологическому и геологическому, с привлечением максимально большого числа специалистов в этих областях, справедливо считая, что только такой подход позволит наиболее объективно решить многие вопросы.

Решение проблемы возраста улалинских находок геологическим путем привело к выводам, которые, очевидно, интуитивно предполагал А.П.Окладников: этим предметам более 690 тыс. лет, а, возможно, и более миллиона. Эти выводы были связаны с изучением стратиграфии памятника профессором Л.А.Рагозиным, а затем специалистами в области палеомагнитного анализа под руководством кандидата геолого-минералогических наук Г.А.Поспеловой.

Опираясь на эти данные, А.П.Окладников пригласил весной 1961 г. на Улалинку ведущих специалистов в области изучения древнекаменного века из различных городов страны и сам выехал в Горно-Алтайск, несмотря на тяжелую болезнь. Это была его последняя археологическая экспедиция. Самый древний памятник Алтая и Северной Азии влек его подобно магниту. Мнение специалистов-палеолитоведов из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР профессоров З.А.Абрамовой, П.И.Борисковского и В.П.Любина было единодушным: памятник очень древний и заслуживает тщательного и разностороннего исследования.

Следует отметить, что А.П.Окладникову несколько раз приходилось обращаться к советским и партийным органам Горно-Алтайска для сохранения стоянки Улалинка (через нее планировалось провести шоссе, следовательно, памятнику угрожало частичное или полное уничтожение), и они всякий раз оказывали ему поддержку и помощь.

Научные интересы А.П.Окладникова не замыкались только одним этим памятником. Его интересовали памятники эпохи верхнего палеолита на Алтае, такие, как стоянки Урокаяная, Усть-Кукунь, Кукунь, Кара-Тенеш, Манжерок, пещеры Страшная, Усть-Канская, Денисова и другие. На большинстве из них он побывал, несмотря на труднодоступность, и проводил раскопки. Благодаря ему материалы этих памятников стали достоянием широкой научной общественности нашей страны.

Обобщая накопленные данные по эпохе палеолита на Алтае, А.П.Окладников сделал очень важный вывод, что не только Африка, Европа или Китай были ареной, где совершались всемирно-исторические процессы подлинно начальной истории человечества, но и Северная Азия, Сибирь /5, с.45-46/. Далее он подчеркивал важное значение культуры носителей "левалдуасской" техники обработки камня "Алтая для истории культуры Северной Азии" /5, с.47/.

Под непосредственным руководством А.П.Окладникова проводились исследования памятников эпохи неолита, энеолита, бронзы и железа, а также наскальных рисунков-петроглифов. Характерным примером постоянной готовности А.П.Окладникова в любой момент двинуться в путь является зимняя экспедиция 1976 г. на Алтай, в Турочак, на берег р.Бии, с целью изучения наскальных рисунков новокаменного века, известной в настоящее время Турочакской писаницы - уникального явления сцэди алтайских древностей. Необходимость такого довольно необычного предприятия в суровых условиях зимы объясняется тем, что писаница доступна только с реки, а в летнее время бурные потоки делают ее почти неприступной. Обследование рисунков привело А.П.Окладникова к выводу, что "Турочакская писаница, являющаяся одним из первоклассных памятников неолитического искусства Северной Азии, нуждается в незамедлительных охранно-реставрационных работах, чтобы ее не постигла судьба уже многих испорченных и погибших памятников древности" /6, с.21/.

А.П.Окладникова интересовали и следы деятельности русских первопроходцев - промышленников и металлургов на Алтае. Он посетил в 1972 г. Тигирек и осмотрел остатки острога, записывал местные легенды и исторические предания, несмотря на почти непроходимую дорогу, побывал в Колывани на знаменитом камнерезном заводе, отметил хорошую сохранность старинных строений, павильонов и высказался за их охрану как памятников культуры. Об этом говорил А.П.Окладников на II съезде Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, проходившем в том же году в Ленинграде, куда сам он, будучи заместителем председателя этого общества, прибыл из экспедиции.

Одним из последних и уникальных открытий А.П.Окладникова на Алтае явилось обнаружение и изучение в 1980 г. палеолитической мастерской в местности Кара-Бом вблизи с.Ело Онгудайского района. Достаточно отметить, что здесь на небольшой площади были обнаружены остатки верхнепалеолитической мастерской, содержащие более 4000 предметов возрастом 30-40 тыс.лет, что поставило этот памятник в число наиболее богатых и выразительных в Северной Азии /7/. Наличие в окрестностях памятников других эпох - могильников афанасьевской культуры, культур бронзового века, скифского времени - натолкнуло его на мысль о необходимости создания здесь и в некоторых других местах Алтая истори-

ко-природных заповедников не только союзного, но и мирового класса, что нашло поддержку партийных и советских органов. А.П.Окладников всегда руководствовался сознанием высокой ответственности ученого, археолога-профессионала за сохранение для будущих поколений советских людей уникальных ландшафтных и археологических зон, которые должны служить эстетическому и патристическому воспитанию строителей нового общества.

Нельзя не отметить постоянные и плодотворные контакты А.П.Окладникова с учеными-обществоведами Алтая, работниками вузов, музеев и органов культуры. Например, участие в юбилеях Барнаульского краеведческого музея и города Барнаула, выступления на конференциях и симпозиумах, по радио и телевидению.

А.П.Окладников всесторонне способствовал пропаганде историков и археологов, росту научных кадров, развертыванию широких исследований, улучшению дела охраны памятников истории и культуры. Все более и более увлекался изучением алтайских древностей, он хотел посвятить остаток своей жизни этому удивительному, богатому и своеобразному краю. Несмотря на большую занятость другими обязанностями, А.П.Окладников побывал во многих труднодоступных местах Алтая, что не может не вызвать удивления и глубокого уважения перед его мужеством и смелостью. Дважды пересекал он Алтай по пути в Монгольскую Народную Республику, где руководил совместной экспедицией ученых двух стран. При этом он отметил большое сходство в облике палеолитических орудий Монгольского Алтая и Джунго Алтая СССР, в частности, ближайших окрестностей Кош-Агача, где В.Д.Кубаревым были обнаружены на поверхности почвы многочисленные орудия, обработанные рукой древнего мастера.

Тяжелая болезнь и ранняя кончина не позволили А.П.Окладникову осуществить всего задуманного, но с полным правом можно отметить его огромный вклад в изучение памятников Алтая, в развитие исторических и археологических исследований, в дело охраны уникальных памятников истории и культуры.

Посвящение настоящего сборника о археологии Алтая памяти выдающегося советского ученого, много сделавшего для раскрытия тайн прошлого, является достойной и справедливой оценкой его вклада в исследование древностей Алтайской земли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Д а р и ч е в В.Е. Сорок лет среди сибирских древностей: Материалы к биографии академика А.П.Окладникова.- Новосибирск, 1970.- 240 с.
2. Д е р е в я н к о А.П. В поисках оленя Золотые рога.- М., 1980.- 411 с.
3. Алексей Павлович Окладников: Материалы и биобиблиографии ученых СССР. Серия истории.- Вып.13.- М., 1981.- 184 с.
4. О к л а д н и к о в А.П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // История Сибири.- Т.1.- Л., 1968.- С.37-93.
5. О к л а д н и к о в А.П. Открытие Сибири.- Новосибирск, 1982.- 223 с.
6. О к л а д н и к о в А.П., М о л о д и н В.М. Турочанская писаница (Алтай, долина р.Бий) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири.- Новосибирск, 1978.- С.11-21.
7. О к л а д н и к о в А.П. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 года) // Палеолит Сибири.- Новосибирск, 1983.- С.5-20.

М.В.Щульгас

(Государственный университет, Томск)

ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА АЛТАЯ

Научное изучение сибирских древностей началось во время проведения академической экспедиции в Сибирь 1720-1727 гг. Руководитель экспедиции доктор Даниил Готлиб Мессершмидт (1685-1735) и его ближайший помощник Филипп Иоганн Табберт фон Страленберг (1676-1747) помимо основных естественно-научных данных собирали сведения о сибирских народах, их быте, языках, о памятниках древности и "прочих достопримечательностях" края. Так, 5-6 января 1722 г. в непривычный для сибирской археологии календарный срок, Д.Г.Мессершмидт предпринял раскопки одного из курганов на левобережье Енисея в окрестностях Абаканска, сопроводив их подробным описанием и графической фиксацией погребаль-

ного сооружения /1, с.167-169/. Это были первые научные раскопки, послужившие началом собственно археологического изучения Сибири.

Д.Г.Мессершмидт первым из ученых обратил внимание и на археологические памятники предальтайских степей. Проезжая в марте 1721 г. через Барабу, он скупал в коллекцию старинные вещи, происходящие из древних захоронений, отмечая при этом в дневнике, что немалую статью дохода местных жителей составляют раскопки "языческих или скифских курганов" и что при этом кроме "всякого рода медных или латунных, а также железных вещей... иногда в этих могилах они находят много золота и серебра, золотые или серебряные уздечки, военные доспехи, изображения богов и другие предметы" /1, с.76-77/.

Маршрут экспедиции Д.Г.Мессершмидта проходил по югу Западной Сибири, когда основная часть территории Алтая находилась в составе Ойратского (Джунгарского) ханства. Со второй половины XVIII в., с присоединением алтайских земель к Российскому государству, начинается их экономическое, хозяйственное и культурное освоение. Переход алтайских промышленных предприятий Акинфия Демидова во владение царского Кабинета стимулировал научное изучение Западного Алтая. Причем освоение рудных богатств региона во многом опиралось и на археологические данные, поскольку значительная часть месторождений была обнаружена по остаткам древних разработок, именуемых "чудскими копиями" /2, с.133; 3, с.9/.

Первым не косвенным, а прямым свидетельством об археологических находках на Алтае следует, видимо, считать рукопись "Историографическое описание, лежащего в Алтайских горах во первых Змеевского, также и около него посторонним удинкам... Сочинено... Иваном Лейбе 1764 года" /4/. В этой записке, составленной специально для М.В.Ломоносова для его "Российской минералогии", старший горный мастер Колывано-Воскресенских заводов Иван Иванович Лейбе (1724-1782) кроме сведений о Змеиногорском руднике и других месторождениях, дает описания руд и минералов, указывает на "чудские" работы на Змеевой горе в виде древних шахт и шурфов, которые "проходились в основном по слабым обожженным рудам и при этом применялись медные литые инструменты и каменные молоты" /5, с.96-105; 6, с.23-24/.

И.И.Лейбе первым проявил научный интерес и к алтайской плейстоценовой фауне. Весной 1767 г. по дороге от Змеиногогорского рудника к Локтевскому заводу в обнажении западного (левого?) берега Алая он обследовал местонахождение мамонтовой фауны, подробно описав как сам остеологический материал, так и его стратиграфическое положение /7, с.112-115/. Четыре года спустя с материалами этого местонахождения ознакомился академик Петр Симон Паллас (1741-1811) во время своего пребывания на Алтае /8, с.325/. Следует отметить, что, путешествуя по отрогам Тигирецкого хребта, П.С.Паллас положил начало изучению алтайского карста. Ему принадлежат первые сведения по геологии, палеонтологии, археологии и антропологии пещер бассейна среднего течения Чарыша /8, с.286-289/. Таким образом, уже со второй половины XVIII в. началось накопление естественно-научных данных, имеющих отношение к древнейшей истории Алтая.

В XIX в. исследования алтайских "костеносных пещер" продолжили известный натуралист Фридрих Вильгельм Геблер (1782-1850), служивший инспектором медицинской части Алтайского горного округа, и управляющий Змеиногогорским краем, горный инженер Александр Иванович Кулибин (1796-1837). При поездке на Чагырский прииск в 1831 г. они осмотрели по правому берегу Чарыша две пещеры, в которых местные жители вели кладонска-тельские раскопки. Одна из них была уже полностью очищена от рыхлых отложений, зато в другой удалось собрать богатую коллекцию костей ископаемых животных /9, с.232-240; 10, с.474-480; 11, с.331-334/. После чарышских А.И.Кулибин обследовал пещеры по правобережью р.Ханхара (в 12 верстах от впадения в Иню) и провел там фаунистические сборы /11, с.335-337/. Находки были доставлены в Московское общество испытателей природы и музей Горного института, где определены кости носорога, лошади, оленя, быка, ламы, тигра, гиены, бизона, пещерного медведя, волка, собаки, а также грызунов и птиц /12, с.382-384; 13, с.179-186; 14, с.283-298; 15, с.338-343; 16, с.267-280; 17, с.214-241/.

В 1834 г. Чагырские пещеры посетил выдающийся русский геолог Григорий Петрович Гельмерсен (1803-1885). Им дано описание этих пещер и определены найденные здесь кости млекопитающих,

среди которых вымершие формы - *Rhinoceros*, *Equus*, *hyaena*, *Ursus* /18, с.252-255/.

Обобщил материалы по ископаемой фауне северо-запада Алтая в 1870 г. академик Федор Федорович Брандт (1802-1879). Разная степень сохранности и внешняя неоднородность костей позволили ему хронологически расчленить 37 определенных к тому времени видов и 5 из них отнести к древнейшим (плейстоценовым) - *Elephas primigenius* Blum, *Rhinoceros tichorinus* Fisch, *Cervus euryceros* Aldron, *Bos taurus primigenius*, *hyaena spelaea* Goldt /19, с.147-202/.

Выводы Ф.Ф.Брандта взял за основу известный русский археолог Алексей Сергеевич Уваров (1825-1884), когда в 1881 г., критически осмыслив данные по алтайской спелеофауне, первым дал их историческую интерпретацию. А.С.Уваров высказал достаточно обоснованное суждение о возможности обитания в пещерах Алтая первобытного человека эпохи палеолита /20, с.192-197/. Однако, несмотря на большой научный интерес, эти сведения не привлекли серьезного внимания археологов вплоть до 50-х гг. нашего столетия /21, с.112-114; 22, с.104-106/.

Открытие алтайского палеолита традиционно относится к 1911 г. и связано с находками у с.Фоминское в верховьях Оби. Здесь, на правобережной обской террасе, писарь местной волостной управы, археолог-любитель Михаил Дианович Копытов (1869-1937) собрал коллекцию каменных изделий, которую датировал палеолитическим временем. Эту коллекцию он частью передал в 1914 г. в Нью-Йоркский Музей естественной истории, а часть в 1920 и 1933 гг. в Бийский краеведческий музей /23, с.24; 24, с.37-38; 25, с.155; 26, с.107/. Правда, сам М.Д.Копытов в неопубликованной рукописи "Алтай и его предгорья в ледниковую и современную эпоху" /27/ относит фоминские находки к 1912 г., указывая при этом еще и второй пункт сбора палеолитического материала - на разветвленной поверхности террасы правого берега Оби, в 5 верстах от ее русла.

Столь явное фактическое несоответствие существенно, но не принципиально. Гораздо важнее другое - являлся ли найденный М.Д.Копытовым материал действительно палеолитическим? По данному вопросу мнения ведущих специалистов того времени разошлись. Так, Николай Константинович Ауэрбах (1892-1930), просматривая в 1929 г. в Бийском музее сборы из окрестностей с.Фоминское,

не выявил среди них предметов палеолитического облика /28, с.40/. Однако шесть лет спустя другой видный исследователь сибирского палеолита Георгий Петрович Сосновский (1899-1941), ознакомившись с фонимской коллекцией (уже дополненной в 1933 г. новыми материалами), указал на наличие в ней палеолитических экземпляров (скребки, остроугольный, "рублообразное" орудие, ретушированные отщепы) и в связи с этим высказался за возможность датировки палеолитом и другой части находок, хранящейся в Нью-Йоркском музее /24, с.39; 25, с.155; 29, с.116/. По всей видимости, фонимский материал не представлял собой остатков одного культурного комплекса и был хронологически неоднороден, что и явилось причиной данного разногласия. Поскольку Г.П.Сосновский имел в своем распоряжении более полный объем материала, то логичнее принять его точку зрения, подтверждающую приоритет М.Д.Конштова в открытии палеолита Алтая /30, с.18/.

Профессиональное изучение алтайского палеолита началось в советское время раскопками в 1931 г. Бийской стоянки (в 12 км юго-западнее Бийска). Работами руководил директор Бийского краеведческого музея, археолог Сергей Михайлович Сергеев (1879-1947), при участии своего ближайшего помощника, сотрудника музея, краеведа Александра Павловича Маркова (1904-1976).

Стоянка расположена на лессовидной возвышенности правого берега Бии, соответствующей по уровню первой надпойменной террасе. Небольшим раскопом (площадь 10 м²) в отложениях лессовидного суглинка на глубине 1,24 м вскрыты остатки кострища диаметром около 1 м и мощностью 0,16 м. Находки концентрировались в радиусе до 1,5 м вокруг кострища. Найдено около 100 отщепов и несколько орудий "обычного для сибирского палеолита типа", среди них скребла, концевые скребки и проколы. Фрагментарность полученных данных и отсутствие фаунистических материалов не позволили уточнить возраст памятника в рамках позднего палеолита.

По соседству с раскопкой Бийской стоянки, на более высокой (второй?) террасе, отмечена еще одна палеолитическая находка - крупное скребло с односторонней грубой обработкой, обнаруженное в слое лессовидного суглинка на глубине 1 м, при раскопке погребения эпохи раннего железа /31, с.90-91; 32, с.86-87/.

Дальнейшая деятельность С.М.Сергеева и А.П.Маркова по изучению каменного века ограничилась разведочными работами. В ре-

зультате чего на нескольких местонахождениях были собраны разнообразные изделия из камня, часть которых (концевые скребки, *pièces éclatées*, отщепы со следами вторичной обработки) можно отнести к палеолитическому времени. Так, Г.П.Сосновский датировал палеолитом отдельные находки из сборов бийских исследователей в 1933 г. на днах правого берега Бии в районе с.Енисейское. Далее, палеолитические формы отмечены среди подъемных материалов 1936 г., собранных А.П.Марковым в следующих пунктах: на левом берегу р.Иткуль, в 2-3 км от впадения ее в Обь; на правом берегу Оби, в 4 км ниже с.Акутиха (Быстрицкий кордон); на второй правобережной террасе Оби, выше с.Одинцовка /25, с.156-157; 29, с.116/.

В середине 30-х гг. к изучению палеолита Алтая приступают центральные научные учреждения страны. Сразу три организации - Советская секция Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы (ИЭФНА), Государственный музей этнографии и Государственная академия истории материальной культуры - формируют экспедицию под руководством Г.П.Сосновского, которая в 1935-1936 гг. проводит стационарные исследования в долине Катунь на стоянке Сростки, в 36 км юго-восточнее Бийска. Работы велись на северо-восточном склоне Сросткинской горы (третья 50-80-метровая правобережная терраса), на месте, где в 1928 г. С.М.Сергеев и А.П.Марков при раскопках курганного могильника УШ-Х вв. обнаружили архаичные каменные орудия.

В покровных суглинках террасы прослежено три уровня залегания материала, причем в нижнем на глубине 0,85-1,30 м выявлено пять культурных комплексов в виде скоплений находок и остатков кострищ диаметром 1,5-3 м при толщине зольного слоя в 2-6 см. Среди изделий выделяются скребла с выпуклым рабочим краем. Кроме них найдены призматические нуклеусы, скребки, проколки, резцы, долотовидные и рубящие орудия. Каменный инвентарь сопровождали немногочисленные фаунистические остатки ископаемой лошади и, по-видимому, оленя. Геохронологически Сростки были отнесены к послеледниковому времени. По мнению Г.П.Сосновского, материалы этого поселения находят ближайшие аналогии в инвентаре енисейских стоянок позднего палеолита /24, с.38-41; 25, с.144-154; 29, с.114-118; 33, с.297-298; 34, с.109-125; 35, с.318/.

Публикацией сrostкинских материалов завершился первый этап изучения палеолита Алтая. На палеолитической карте Северной Азии появилась новая обширная и перспективная область. Открытие памятников древнекаменного века на Алтае — отражение достаточно высокого общего уровня развития сибирской археологии того времени. Закономерно поэтому, что первые шаги в алтайском палеолитоведении сделаны силами местных исследователей, чей энтузиазм в стремлении как можно глубже познать древнюю историю своего края компенсировал недостаток специальных знаний и навыков. Благодаря их поисковым и раскопным работам создается начальная источниковедческая база, послужившая основой подлинно научного изучения алтайского палеолита.

Квалифицированную оценку накопленным материалам дал Г.П.Сосновский. Анализ археологических, геолого-стратиграфических и палеонтологических данных позволил ему определить культурно-хронологическое единство алтайских памятников, провести их корреляцию с енисейскими и датировать концом палеолитической эпохи. Г.П.Сосновский отметил в местных коллекциях особенность, свойственную позднему палеолиту Сибири в целом ("сибирскому мадлену", по его стадильной схеме), — сочетание в одном комплексе небольших, тщательно изготовленных орудий с орудиями массивными, архаичными по внешнему облику.

Таким образом, алтайские материалы были введены в общий источниковедческий фонд и проблематику северо-азиатского палеолита. В этом заключается основной итог первого этапа палеолитического изучения Алтая.

Великая Отечественная война советского народа прервала археологические исследования на Алтае. Начало второго этапа изучения связано с работами Восточно-Казахстанской археологической экспедиции в юго-западных предгорьях Алтая. В свое время на отдельные случайные находки в этом районе и необходимость планомерного поиска здесь памятников палеолита указывал Г.П.Сосновский /32, с.87; 36, с.10-12/. С 1950 по 1955 гг. сотрудники экспедиции под общим руководством Сергея Сергеевича Черникова (1909-1976) выявили в бассейне Верхнего Иртыша девять местонахождений палеолитических изделий, причем, два из них — у аула Канай и с.Большой Нарын — датированы довольно ранним (мустьерским?) временем /37, с.63-79; 38, с.81-84; 39, с.43-45; 40, с.12-14; 41, с.28-32; 42, с.44, 163-164/. Наиболее

полно была исследована стоянка "Пещера" на правом берегу р. Бухтармы в 12 км выше устья. В Малом гроте пещеры на глубине 0,8 м вскрыто зольное пятно и скопление костей бизона. По характеру каменного инвентаря и сопровождающей фауны стоянка отнесена к поздней поре палеолита /3, с. 54-58/.

В Центральном Алтае в 1954 г. один из отрядов Горно-Алтайской археологической экспедиции, руководимой Сергеем Ивановичем Руденко (1885-1969), открыл и исследовал палеолитическую стоянку в Усть-Канской пещере по правобережью Верхнего Чарыша. Каменная индустрия стоянки свидетельствовала об ее более раннем возрасте по сравнению с другими памятниками. Типично позднепалеолитические орудия присутствуют здесь в небольшом количестве, зато широко представлены дисковидные и леваллуазские нуклеусы, кремня и острокопечники, аналогичные европейским изделиям эпохи мустье. Ранняя датировка памятника подтверждалась и остатками фаунистического комплекса, характерного для теплого сухого периода, предшествовавшего последнему оледенению Алтая /22, с. 104-125; 44, с. 203-215/. Позднее мустьерский облик основной массы материала получил убедительное технико-типологическое обоснование /45, с. 57-58; 46, с. 27-33/. Таким образом, в Усть-Канской пещере было сделано открытие принципиальной важности, значительно расширившее хронологические рамки алтайского палеолита.

Тогда же Горно-алтайская экспедиция проводила раскопки курганов на Тузуктинском участке долины р. Урсула (левый приток Катунь). Здесь на галечниковых отмелях левого берега реки и на размытой поверхности первой террасы была собрана небольшая коллекция подъемного материала - архамские нуклеусы, отщепы и пластины со следами сильной окатанности /47, с. 61-64/.

Наряду с крупномасштабными экспедиционными работами центральных научных учреждений в это время возобновляется деятельность местных исследователей. В 1956-1957 гг. сотрудники, а впоследствии директор Бийского музея Борис Хатмиевич Кадников провел раскопки стоянки у с. Майма в нижнем течении Катунь. В отложениях второй надпойменной террасы, под смешанным мезолитическим (?) горизонтом обнаружено очаговое устройство - пологое углубление, окруженное полумольцовой выкладкой из крупных речных галек с темно-бурым суглинисто-зольным заполнением. Вокруг очага (в радиусе 1,7 м) располагалось скопление культурных остатков: позднепалеолитические каменные изделия и кости перво-

бытного быка. Нижний горизонт Майминской стоянки отнесен к позднему этапу существования стоянок типа Сростки /48, с.18; 49, с.9-21/.

В конце 50-х – первой половине 60-х годов Б.Х.Кадилов в результате интенсивных разведочных работ открыл ряд палеолитических стоянок – Дмитриевка и Чебашихинская горка на Бии, в пещере "Искра" на р.Ануй и Каратурук в долине Узнези, притока Катунь, а кроме того, в устьях малых рек – Ануй, Семь, Иши, Барангола, Чемровка и других им разведана целая серия мезолитических памятников /50, с.10-11/.

Интересна находка левалдуазской пластины, сделанная в 1964 г. геологом Олегом Максимовичем Адаменко в отложениях II-метровой левобережной террасы р.Алей у с.Бобково. Пластина залегала вместе с древесными угольками, обломками бивней мамонта и двумя рогами бизона на глубине 5 м в старичных илах так называемой бобковской свиты. О.М.Адаменко считает эти отложения цоколем первой надпойменной террасы и относит их формирование ко второй половине среднего плейстоцена, что позволяет датировать пластину раннепалеолитическим временем /51, с.373-382; 52, с.25-26/. Однако более обоснованным является мнение специалиста по геологии палеолита Северной Азии Семена Марковича Цейтлина, согласно которому бобковское местонахождение связано с аллювиальными накоплениями второй надпойменной террасы Алей и имеет возраст начала сартаанского оледенения, т.е. позднепалеолитический /53, с.157-159; 54, с.67-73; 55, с.85-88/.

Аналогичная находка сделана при производстве инженерно-геологических работ в верховьях левого притока Чарыша – Белой: массивная ретушированная пластина и обломки трубчатых костей млекопитающих обнаружены на глубине 8 м в лессовидных суглинках горного склона /56, с.101-102/.

Геологи Западно-Сибирского управления открыли в предгорьях Алтая еще шесть местонахождений, которые трактуются как палеолитические. Три из них в низовьях истоков Оби и три на северо-западе региона:

- **Б е х т е м и р с к о е** – на правом берегу Бии в 1,5 км севернее ст.Бехтемирской, на дне древней балки, соответствующему по уровню третьей террасе. Непосредственно под почвенно-растительным слоем найдены скребла, скребки, остроконечники, отщепы и обожженные кости лошади и быка;

- Т а л и ц к о е - на левобережье Катуня, в 2 км юго-восточнее пос. Урожайного, на распаханной поверхности одноименной сопки, возвышающейся над третьей террасой. Собраны мулелу-сы, скребла, скребки и отщепы;

- у о з е р а С в е т л о е - на соседней сопке, в 1 км западнее Талицкого, аналогично последнему;

- Т а л о в с к о е - на поверхности левого склона долины реки Пещерихи, в 2 км от слияния с рекой Рассыпухой (бассейн Алей). Собрано несколько отщепов с грубой ретушью;

- П о к р о в с к о е - на водоразделе рек Поперечной и Землянухи, в 5 км юго-восточнее с. Покровка. На распаханном склоне сопки найден небольшой остроконечник верхнепалеолитического облика;

- Н о в о п о к р о в с к о е - на Алей-Иртышском водоразделе, севернее с. Новопокровка, в стенке оврага, прорезающего восточный склон Бельгаичской возвышенности. На глубине 2-3 м в лесовидных суглинках вскрыты верхнепалеолитические орудия вместе с древесными угольками и костями лошади /52, с. 26-27; 57, с. 159; 58, с. 28-35/.

В 1961 г. к изучению палеолита Алтая приступает Алексей Павлович Окладников (1908-1981), один из крупнейших советских исследователей азиатских древностей. Начало его работы на Алтае связано с открытием палеолитического местонахождения на р. Улалинка, в городской черте Горно-Алтайска, - памятника уникального, сложного, давшего крайне дискуссионный материал.

В обнажении левобережного склона Улалинка прослежено два уровня залегания находок. Верхний - в покровных лессовидных суглинках - представлен типичной позднепалеолитической индустрией. Ниже, в красноцветной суглинистой толще, насыщенной грубыми обломками местных пород, выявлены расколотые кварцитовые гальки. Среди них, по мнению А.П. Окладникова, есть искусственно обработанные, которые он определял как архаичные чоперы, чопинги и скребла. Вмещающие отложения были датированы в широком хронологическом диапазоне от нижнего до начала верхнего плейстоцена, но наиболее вероятной датой считался конец среднего плейстоцена, что позволяло уверенно отнести находки к раннему палеолиту /52, с. 24-25; 54, с. 73-77; 59, с. 59-60; 60, с. 41-42; 61, с. 185-186; 62, с. 131-133; 63, с. 7-19; 64, с. 6; 65, с. 5-15; 66, с. 57-59; 67, с. 9-11/. В дальнейшем новая

стратиграфическая интерпретация нижней пачки отложений (пестроцветы кочковской свиты) и скорректированные с ней результаты палеомагнитного и термолуминесцентного датирования удвинули возраст местонахождения до "верхнеплиоценового" /68, с.9-20; 69, с.118-122; 70, с.115-125; 71, с.3-10; 72, с.119-121; 73, с.37-43/. Подобный пересмотр геологического возраста ставит Улалинку в ранг древнейшего археологического памятника Сибири. Однако для этого представляется необходимым более аргументированное обоснование искусственного характера обнаруженных там кварцитовых предметов и их соответствия отложениям столь раннего времени /74, с.542; 75, с.384; 76, с.30-31/. Аналогичные находки отмечены по соседству с Улалинкой, на реке Майме - местонахождение Кизик-Озек /77, с.184/.

Южнее Горно-Алтайска, на Катунь, в устье р.Куум, А.П.Окладников в 1964-1965 гг. провел раскопки в том месте, где в 30-е гг. исследовались могильник и поселение афанасьевской энеолитической культуры /78, с.304-306/. На памятнике выделено четыре литологически различных слоя, содержащих каменные изделия, причем в трех верхних они залежали вместе с керамической эпохи металла и остатками голоценовой фауны. Основными находками были подпризматические и клиновидные нуклеусы, массивные скребла и миниатюрные скребки, долотовидные орудия и проколки. А.П.Окладников рассмотрел каменный инвентарь всех четырех слоев как "единое, типологически выдержанное целое" и отнес поселение Усть-Куум к наиболее позднему этапу палеолита /79, с.66-79/.

В долине правого притока Катунь - р.Нижний Куус - в 6 км от ее устья, в 1976 и 1978 гг. раскапывалось поселение Кара-Тенеш. Под гумусным слоем с остатками культуры железного и бронзового веков в толще суглинков вскрыт палеолитический горизонт с массивными пластинами, остроконечниками, скреблами, скребками, многочисленными отщепами и заизвесткованными костями животных. Кроме того, палеолитические находки обнаружены на соседнем могильнике Кара-Тенеш 2 и на правом берегу Катунь, ниже с.Куус /80, с.261-262; 81, с.209-210/.

Еще одно местонахождение на Катунь, в устье р.Идрала, А.П.Окладников обследовал в 1978-1979 гг. Здесь каменные изделия залежали в мощном слое перекатанных галечников /60, с.13-14/.

Наряду с исследованием памятников открытого типа А.П.Окладников осуществляет руководство работами по изучению палеолитических стоянок в пещерах. По его поручению палеонтолог Николай Дмитриевич Оводов в 1969-1970 и 1977 гг. проводит шурфовку пещер Страшной и Денисовой для выяснения условий залегания культурных и фаунистических остатков.

Пещера Страшная находится при слиянии рек Тигирек и Ини в бассейне Среднего Чарыша. Археологический и фаунистический материал прослежен в отложениях щебнистого суглинка до глубины 6,2 м. Для каменного инвентаря характерны дисковидные и леваллуазские нуклеусы, ретушированные пластины и остроконечники, различные скребловидные и зубчато-выемчатые инструменты. В целом облик индустрии определяется наличием леваллуа-мустьерских форм и отсутствием форм типично позднепалеолитических. Помимо камня в Страшной собрана обширная коллекция ископаемой фауны, в том числе кости мамонта, шерстистого носорога, бизона, пещерной гиены и др. /82, с.3-4; 83, с.3-54; 84, с.3-6/.

Денисова пещера расположена на правом берегу верхнего течения р.Ануй (левый приток Оби). Два шурфа, пройденные до глубины 4 м, дали материал, аналогичный находкам в пещерах Усть-Канской и Страшной. Леваллуазские нуклеусы и соответствующие им пластины, типологически выразительные остроконечники и скребла позволили отнести данную индустрию к "среднему палеолиту леваллуа-мустьерской фации". Палеофауна пещеры представлена остатками традиционных для верхнеплейстоценового комплекса видов /85, с.266-268/.

Раскопки 1980 г. на стоянке Кара-Бом в долине р.Каерлык (бассейн среднего течения Катунь) явились последними полевыми работами А.П.Окладникова на Алтае. Палеолитический материал стоянки заключен в проluvialные суглинки, слагающие подножие скальных выходов в устье ручья Семисарт. Изделия из камня представлены нуклеусами леваллуа, пластинами с ретушью, зубчато-выемчатыми орудиями, остроконечниками, скреблами и скребками, а также несколькими орудиями с резцовым сколом. Ископаемая фауна мало выразительна. Среди крупных млекопитающих определены остатки носорога, лошади, быка и барана. Корреляция индустрии стоянки с другими "леваллуазскими" памятниками региона определила предварительную дату Кара-Бома в 40-30 тыс. лет назад /86, с.5-20/.

Бийский археолог Борис Иванович Лапшин (1947-1980) провел в 1976-1977 гг. разведочные работы в долинах Бии и Катунь, в верхнем течении Оби и низовьях Чарыша, где открыл свыше десяти палеолитических и мезолитических местонахождений. Наиболее интересны сборы в верховье Оби между селами Одинцовка и Фоминское. Подъемный материал с бечевника правого берега реки включает массивные изделия из речных галек со следами окатанности - поддисковидный и протопризматические нуклеусы, рубилообразные и скребловидные орудия, чопперы и чоппинги, пластины и отщепы. Датируются эти находки возрастом старше 20 тыс. лет /50, с.14-15; 87, с.215; 88, с.247; 89, с.15-22/. В 1975 г. Б.И.Лапшин вместе с Б.Х.Кадиковым обследовал стоянку Каратурук в долине реки Узнези, в 10 км выше ее слияния с Катунью. Зачистка обнажения 6-8-метрового берегового уступа выявила залегание материала на глубине 0,55-0,75 м в зоне контакта лесовидного суглинка с подстилающим слоем супеси. Среди находок подпризматические и клиновидные нуклеусы, различные типы скребков и резцов, долотовидные и выемчатые орудия, ретушированные пластины, двусторонне обработанный остроконечник. Техника обработки и типология каменных изделий, с учетом геологических условий их залегания, позволили поместить стоянку Каратурук на "раннюю стадию развития пластинчатой и "микролитической" культуры поселений типа Усть-Кум и Майма" /90, с.3-10/. Через три года на Верхней Бии у с.Удаловка в небольшом гроте правобережной скалы Малый Иконостас исследователи собрали коллекцию галечных изделий, отличающихся большим архаизмом /50, с.15/.

Первые сведения о палеолите высокогорной зоны Алтая получены в 1977-1980 гг. благодаря поисковым работам новосибирского археолога Владимира Дмитриевича Кубарева. На юго-востоке региона, в Чуйской степи, по рекам Чуя и Юстыд им зафиксировано несколько местонахождений каменных изделий палеолитического облика /91, с.245; 92, с.83,87; 93, с.212; 94, с.137-153/. подробнее других изучено местонахождение на буграх Бигдон в 13 км северо-западнее с.Кош-Агач, давшее разновременный материал - от мустьерского до финальнопалеолитического или мезолитического. В коллекции Бигдона выделяются левадуазские и протопризматические нуклеусы, остроконечники, скребла и зубчато-выемчатые орудия /95, с.188/.

Во второй половине 70-х гг. к изучению древностей края приступает археологическая экспедиция Алтайского университета под руководством Дрия Федоровича Киришина. В результате крупномасштабных полевых работ барнаульские археологи накопили разнообразный в хронологическом отношении материал и в том числе палеолитический. Отдельные находки эпохи позднего палеолита сделаны в 1977 г. в долине р.Ело (бассейн среднего течения Катунь), на пойменном участке устья р.Тоботой /96, с.22-24/. В пещере Нульчак, расположенной на левом берегу одноименной реки, входящей в систему правых притоков Нижней Катунь, разведочным раскопом 1978 г. вскрыты культуросодержащие отложения на глубину около 1,5 м. Ниже гумусированного слоя с остатками эпохи раннего железа, бронзы и неолита, в серой супеси обнаружены каменные орудия позднего палеолита - фрагмент ножа - бифаса, долотовидное и комбинированное орудия, резцы и ретушированные отщепы /97, с.229; 98, с.3-15/. В северо-восточных предгорьях, на галечных косах устьевой зоны р.Ушлеп, левого притока Нени, собрана небольшая коллекция каменных изделий и плейстоценовой фауны - нуклеусы из галек, нож, проколки, скребло, рубящее орудие, пластины и отщепы, а также обломки зубов мамонта и лучевой кости бизона. Подземный материал аналогичного характера найден и на р.Антроп, в устьях притоков Ульбы, Кедровки и Кологола /99, с.53-56; 100, с.215; 101, с.190; 102, с.34-36/.

С 1978 г. в центральной части Алтая начинает работать палеолитический отряд Томского университета под руководством автора. Исследовались три мустьерских местонахождения на Тимечинском археологическом комплексе в долине р.Урсул (левый приток Катунь), в 2 км ниже слияния ее истоков - рек Ело и Кавердик. Первые палеолитические находки на комплексе сделал в 1976 г. барнаульский археолог Владимир Александрович Посредников, собрав в обнажении правобережного террасовидного уступа реки довольно представительную коллекцию изделий из камня /103, с.234; 104, с.16-21/. Последующие раскопки на этом местонахождении, получившем наименование Тимечин I, определили залегание материала в перестроенном состоянии, в мощной толще гранито-щебенчатых проливных супесей и суглинков. На облик индустрии Тимечина I заметное влияние оказала девальгуазская традиция обработки камня, что позволило соотнести ее с индуст-

риями пещерных стоянок Усть-Канской, Страшной и Денисовой. Подобный материал зафиксирован и на местонахождении Тмечин Ш, расположенном на каменистом пляже в 200 м ниже по течению реки.

В 2 км восточнее, при выходе в долину Урсула горного урочища, находится местонахождение Тмечин П, где переотложенный материал залегает в дебристо-валунном пролвиальном горизонте, сформированном грубыми обломками и плохоскатанной галькой с супесчаным заполнением. В отличие от других мустьерских памятников региона на Тмечине П полностью отсутствует леваллуазская технологическая традиция. Каменная индустрия основана на радиальном принципе расщепления, а среди орудий преобладают зубчатые-выемчатые формы /105, с.284; 106, с.127-136; 107, с.31-33/.

Материалы, полученные на втором этапе исследования, значительно увеличили источниковедческую базу алтайского палеолита. К началу 80-х гг. выявлена широкая сеть палеолитических объектов, охватывшая примерно половину территории Алтая. Вместе с тем еще многие районы остались не обследованными и в том числе почти весь высокогорный юг региона.

Полевая изученность подавляющего большинства памятников является лишь предварительной. Отдельные находки и ограниченные поверхностные сборы, эпизодическая шурфовка и зачистка обнажений затрудняют понимание действительного характера многих из них. Там же, где проводились масштабные стационарные исследования, далеко не всегда археологический материал получал должное естественно-научное обоснование. В свою очередь, слабая полевая изученность значительно снижает уровень культурно-хронологической интерпретации полученных данных, ограничивает возможность проведения внутри- и межрегиональных корреляций.

Начало второго этапа связано с открытием памятников раннего палеолита. Алтай был территорией, по которой пролегли пути первоначального освоения человеком азиатского континента. Подобное расширение раннепалеолитического культурного ареала потребовало определения места древнейших алтайских памятников среди синхронных комплексов сопредельных территорий. Так, важное значение для понимания истоков "галечной традиции" в палеолите Азии могли бы иметь материалы местонахождения Улалинка, будь бесспорно доказан культурный облик обнаруженных там каменных предметов и решен вопрос их геологического возраста. Пока остается неясным характер и время начальной стадии алтайского

палеолита. Однако наличие в соседних регионах (Казахстан, юг Средней Сибири, Монголия) палеолитических комплексов, хронологически соответствующих западному ашелю, делает принципиально возможным открытие памятников подобной древности и на Алтае.

Достоверные памятники алтайского раннего палеолита относятся к эпохе мустье. Большинство вопросов, связанных с их изучением, входит в так называемую леваллуазскую проблему, которая для данного периода на Алтае считается ключевой. Материалы пещерных стоянок Усть-Канской, Страшной и Дешисовой, местонахождений Тимечин I и Тимечин III фиксируют леваллуазскую техническую традицию в довольно развитом виде и характеризуют скорее всего заключительный этап существования мустьерской культуры. Развитие леваллуазской традиции прослеживается из областей Ближнего Востока, но нельзя исключать и возможность ее конвергентного происхождения на местной основе. Обособленной от "леваллуазских" памятников региона является индустрия местонахождения Тимечин II с радиальным принципом расщепления камня, преобладанием зубчато-выемчатых орудий и полным отсутствием техники леваллуа. Здесь перед археологами стоит задача выяснения культурного и хронологического соотношения этих технологических различий.

Следующая достоверная группа памятников значительно отдалена от мустьерской во времени и относится к концу позднего палеолита. Хронологический разрыв в 20-25 тыс. лет затрудняет определение прямой культурной преемственности между ними. Последующие исследования не внесли в наши знания о позднем палеолите Алтая существенных изменений. По-прежнему наиболее полно изученной остается стоянка Сrostки, материалы которой лежат в основе как общей характеристики этого периода, так и установления культурных связей с синхронными памятниками соседних территорий. Поэтому ближайшей задачей является комплексное исследование новых, хорошо стратифицированных, келательно многослойных памятников и уже с их помощью решение вопросов генезиса, конкретного проявления и дальнейшего развития алтайской позднепалеолитической культуры.

Сейчас преждевременно подводить итоги второму этапу палеолитических исследований на Алтае. Прошедшие три десятилетия определили лишь общую проблематику алтайского палеолитоведения и наметили основные пути решения связанных с ней вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Messerschmidt D.G. Forschungsreise durch Sibirien. 1720-1727. Tl. Tagebuchaufzeichnungen Januar 1721-1722 - Berlin, 1962. - 379 s.

2. Демин М.А. Из истории первых известий по археологии Алтая // Древняя история Алтая.- Барнаул, 1980.- С.131-138.

3. Демин М.А. История археологического изучения Алтая (дооктябрьский период): Автореф. дис.... канд.ист.наук.- Новосибирск, 1981.- 22 с.

4. Архив АН СССР. Ленинградское отделение. Ф.27.- Оп.1.- Д.5.

5. Радкевич Е.А. Новые данные о материалах, посланных М.В.Ломоносову для "Российской минералогии" // Известия АН СССР.- Сер. геолог.- 1963.- № 6.- С.96-106.

6. Розен М.Ф. О поисковых и исследовательских работах на Алтае в XVIII в. По материалам архива АН СССР в Ленинграде // 250 лет горного производства на Алтае.- Барнаул, 1977.- С.23-26.

7. Спасский И. Письмо Обер Бергмейстера Лейбе к Начальнику Колывановоскресенских заводов Генерал-Майору Порошину о найденных в берегу реки Алей мамонтовых костях // Горный журнал.- 1833.- Ч.1.- Кн.4.- С.112-115.

8. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства.- Спб., 1786.- Ч.2.- Кн.2.- 571 с.

9. G e b l e r. Notice sur une caverne a ossements fossiles, situes sur les rives du Tacharych en Sibirie // Bulletin de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou.- 1831.- T.III.- P.232-240.

10. Кулибин А. Известковые пещеры на берегу реки Чарыш // Горный журнал.- 1831.- Ч.1.- Кн.1.- С.474-480.

11. Кулибин А. Описание известковых пещер по берегам Чарыша и Ханжары в Томской губернии // Горный журнал.- 1833.- Ч.П.- Кн.6.- С.331-337.

12. F i s c h e r G. (de Waldheim). Notice sur les ossements fossiles des cavernes des rives du Tacharuch en Sibirie // Bulletin de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou.- 1831.- T.III.- P.382-384.

13. F i s c h e r de W a l d h e i m G. Notice sur les ossements de mammiferes fossiles trouves dans les cavernes de Tscharych et de Khankhara, Gouvernement de Tomsk // Bulletin de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou.-1834.-T.VII - P.179-186 .

14. F i s c h e r de W a l d h e i m G. Recherches sur les ossements fossiles de la Russie // Nouveaux Memoires de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou.- 1834.-T.III.- P.283-298.

15. П а н д е р и З е м б и ц к и й. Систематическая роспись ископаемых костей, найденных в пещерах Чарышской и Ханхаринской и доставленных в Музей Горного института // Горный журнал.- 1833.- Ч.П.- Кн.6.- С.338-343.

16. R a t h k e H e i n r i c h. Ueber fossile Knochen aus den Felsenhöhlen bei Schlangenberg (Smeinogorsk) // Nouveaux Memoires de la Societe Imperiale des naturalistes de Moscou.- 1834.-T.III.- P.267-280.

17. E i c h w a l d E. Ueber den Riesenhirsch (Cervus euryc. Aldr., megaceros Hart., giganteus Goldf.) // Bulletin de la Societe periale des Naturalistes de Moscou.- 1845 -T.XVIII.- N 3.- P.214-241.

18. H e l m e r s e n G. Reise nach dem Altai im Jahre 1834 Beitrage zur Kenntniss des Russischen Reiches . - Спб., 1848. 286 p.

19. B r a n d t F. Neue Untersuchungen über in den altaische Höhlen aufgefundenen Säugethierreste, ein Beitrag zur quaternären Fauna des Russischen Reiches // Bulletin de l' Academie Imperale sciences de St.- Petersburg, 1871.-T.XV.- P.147-202.

20. У в а р о в А.С. Археология России. Каменный период.- М., 1881.- 439 с.

21. Р о з е н М.Ф. Древние стоянки человека в пещерах Алтая // Природа.- 1954.- № 2.- С.112-114.

22. Р у д е н к о С.И. Усть-Канская пещерная палеолитическая стоянка // МИА.- 1960.- № 79.- С.104-125.

23. J o s h e l s o n W. Archaeological investigations in Kamchatka.- Washington, 1928.- 77 p.

24. С о с н о в с к и й Г.П. Палеолитические находки в предгорьях Алтая // Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода.- Л.; М., 1936.- Вып.П.- С.37-41.

25. Сосновский Г.П. Палеолитические стоянки около г.Бийска // Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода.- Л.; М., 1937.- Вып.Ш.- С.144-158.
26. Даричев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. - Новосибирск, 1969.- Ч.1.- 388 с.
27. Архив Бийского краеведческого музея. Ф.2.- Д.10.
28. Ауэрбах Н.К. Палеолитическая стоянка Афонтова Ш.- Новосибирск, 1930.- 59 с.
29. Сосновский Г.П. Итоги изучения палеолита Алтая (1935 и 1936 гг.) // БЮИЧП.- 1940.- № 6-7.- С.114-119.
30. Даричев В.Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии.- Новосибирск, 1972.- Ч.2.- 413 с.
31. Сергеев С.М. Позднепалеолитическая стоянка в окрестностях г.Бийска Алтайского края // Бюллетень МОИП.- Новая сер.- 1939.- Т.47. Отд.геолог.- Т.ХУП (6).- С.90-91.
32. Сосновский Г.П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК.- 1940.- № 7.- С.86-90.
33. Сосновский Г.П. Раскопки палеолитической стоянки в долине р.Катуни // СА.- 1940.- № 5.- С.297-298.
34. Сосновский Г.П. Палеолитическая стоянка у с.Сростки на р.Катуни // МИА.- 1941.- № 2.- С.109-125.
35. Сосновский Г.П. Бийский район // Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг.- М.; Л., 1941.- С.318.
36. Сосновский Г.П. О поисках палеолита в Казахстане // Изв. АН Каз. ССР. Сер. археолог.- 1948.- Вып.1.- С.10-12.
37. Черников С.С. Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане // Вестник АН Каз.ССР.- 1951.- № 12.- С.63-70.
38. Черников С.С. Восточно-Казахстанская экспедиция 1950 г. // КСИИМК.- 1952.- Вып.43.- С.81-92.
39. Черников С.С. О работах Восточно-Казахстанской экспедиции // КСИИМК.- 1956.- № 64.- С.43-60.
40. Черников С.С. К изучению древней истории Восточного Казахстана // КСИИМК.- 1957.- № 69.- С.12-21.
41. Крылова А.А. Новые палеолитические местонахождения в Восточном Казахстане // КСИИМК.- 1959.- Вып.76.- С.28-32.
42. Береговая И.А. Палеолитические местонахождения СССР // МИА.- 1960.- № 81.- 218 с.

43. Г о х м а н И.И. Палеолитическая стоянка "Пещера" на ухтарме // КСИИМК.- 1957.- Вып.6-7.- С.54-56.
44. K u d e n k o S.I., The Ust' - Kanskaia palaeolithic cave site, Siberia // American Antiquity.-1961 -Vol 27.-N2.- P.203-21
45. А с т а х о в С.Н. О путях первоначального заселения человеком долины Енисея // VII Международный конгресс доисториков и протеоисториков: Докл. и сообщ. археологов СССР.- М., 1966. С.56-67.
46. А н и с я т к и н Н.К., А с т а х о в С.Н. К вопросу о древнейших памятниках Алтая // Сибирь и ее соседи в древности.- Новосибирск, 1970.- С.27-33.
47. К р ы л о в а А.А., П а в л ю ч е н к о И.М. Орудия каменного века в Горном Алтае // КСИА.- 1962.- Вып.92.- С.61-64.
48. К а д и к о в Б.Х. Итоги археологических разведок Енисейского музея // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири.- Томск, 1959.- С.18-19.
49. Л а п ш и н Б.И., К а д и к о в Б.Х. Позднепалеолитическая стоянка у села Майма в Горном Алтае (по материалам Енисейского краеведческого музея) // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха камня и бронзы.- Новосибирск, 1981.- С.9-21.
50. Л а п ш и н Б.И. История исследования алтайского палеолита // Археология и этнография Алтая.- Барнаул, 1982.- С.3-17.
51. О к л а д н и к о в А.П., А д а м е н к о О.М. Первая находка левавалун-мустьерской пластины в среднеплейстоценовых отложениях Сибири // Четвертичный период Сибири.- М., 1966.- С.373-382.
52. А д а м е н к о О.М., Г а й д у к И.М. О новых находках палеолита в предгорьях Алтая // Известия АООГ.- 1967.- Вып.8.- С.24-28.
53. Ц е й т л и н С.М. Геология палеолитического местонахождения Бобково (результаты новых исследований) // БИИЧП.- 1974.- № 41.- С.157-159.
54. Ц е й т л и н С.М. Геология палеолита Северной Азии.- М., 1979.- 284 с.
55. П а н н ч е в В.А. Радиоуглеродная хронология аллювиальных отложений предалтайской равнины // Тр. Института геологии и геофизики.- Новосибирск, 1979.- Вып.451.- 103 с.

56. Ш и п е р о в и ч В.Я. Палеолитическая находка в Юго-Западном Алтае // БЖИЧП.- 1960.- № 25.- С.101-102.

57. А д а м е н к о О.М. Стратиграфия четвертичных отложений предальтайской равнины в районе слияния рек Бии и Катунь // Тр. КИЧП.- 1963.- № XXII.- С.150-164.

58. М а т ю щ е н к о В.И. Новые палеолитические местонахождения в районе г.Бийска // Уч. зап. ТГУ.- 1966.- № 60.- С.28-35.

59. О к л а д н и к о в А.П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // Материалы по древней истории Сибири. Древняя Сибирь (макет I тома "Истории Сибири").- Улан-Удэ, 1964.- С.61-128.

60. О к л а д н и к о в А.П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // История Сибири.- Л., 1968.- Т.1.- С.37-93.

61. О к л а д н и к о в А.П. Улалинка - древнейшее палеолитическое местонахождение Сибири // АО 1969 г.- М., 1970.- С.185-186.

62. О к л а д н и к о в А.П. Улалинка - древнейшее палеолитическое поселение в Сибири // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук.- 1971.- Вып.1.- № 1.- С.131-133.

63. О к л а д н и к о в А.П. Улалинка - древнепалеолитический памятник Сибири // МИА.- 1972.- № 185.- С.7-19.

64. Г а й д у к И.М. Каменный век бассейна Верхней и Средней Оби (палеолит, неолит): Автореф. дис... канд.ист.наук.- Новосибирск, 1968.- 19 с.

65. Г а й д у к И.М. Предварительное определение возраста Улалинской стоянки // Из истории Сибири.- Томск, 1973.- Вып.5.- С.5-15.

66. А д а м е н к о О.М. О геологических условиях залегания нижнепалеолитических орудий на р.Улалинке (Горно-Алтайск) // Сибирь и ее соседи в древности.- Новосибирск, 1970.- С.57-59.

67. А д а м е н к о Р.С. Фауна млекопитающих из культурного слоя Улалинской палеолитической стоянки // Археология и краеведение Алтая.- Барнаул, 1972.- С.9-11.

68. О к л а д н и к о в А.П., Р а г о з и н Л.А. О палеогеографии Улалинки - древнейшего палеолитического поселения Сибири // Геология и разведка нефтяных и газовых месторождений Западной Сибири.- Тюмень, 1978.- Вып.67.- С.9-20.

69. Окладников А.П., Рагозин Л.А. О возрасте Улалинка - древнейшего палеолитического поселения Сибири Изв. СО АН СССР. - 1978. - № 6. - Вып.2. - С.118-122.

70. Окладников А.П., Рагозин Л.А. Загадка Улалинка // СЭ.- 1982.- № 6.- С.115-125.

71. Поспелова Г.А., Гнибиденко З.Н., Окладников А.П. О возрасте поселения Улалинка по палеомагнитным данным // Археологический поиск (Северная Азия).- Новосибирск, 1980.- С.3-10.

72. Рагозин Л.А. Древнейшему поселению Сибири - 1,5 млн. лет? // Природа. 1982.- № 1.- С.119-121.

73. Шляков А.И. Термолуминесцентное датирование стоянки Улалинка - древнейшего палеолитического памятника Сибири Палеолит Сибири.- Новосибирск, 1983.- С.37-43.

74. Мочанов В.А. Палеолит Сибири (некоторые итоги изучения) // Берингия в кайнозое.- Владивосток, 1976.- С.540-5

75. Иванова И.К. Ископаемый человек и его культура Стратиграфия СССР. Четвертичная система.- М., 1982.- Т.1.- С.382-412.

76. Медведев Г.И. Палеолит Южного Приангарья: Автореф. дис... докт.ист.наук.- Новосибирск, 1983.- 44 с.

77. Окладников А.П., Абрамова З.А. Первоначальное освоение палеолитическим человеком Сибири и Дальнего Востока // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене.- М., 1974.- С.184-189.

78. Сосновский Г.П. Ойротская автономная область // Археологические исследования в РСФСР 1934-1935 гг.- М.;Л., 1941.- С.304-305.

79. Окладников А.П., Владыкин В.А. Древнее поселение на р.Кукме (Алтай) по раскопкам 1964-1965 г. Известия лаборатории археологических исследований.- Кемерово, 1967.- Вып.1.- С.65-79.

80. Окладников А.П., Погожева А.П., Молодин В.И. Работы в Горном Алтае // АО 1978 г.- М., 1979.- С.261-262.

81. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Раскопки многослойного поселения Кара-Тенеш в 1976 году // Источники п археологии Северной Азии (1935-1976 гг.).- Новосибирск, 1980. С.199-213.

82. Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы зонального совещания археологов и этнографов: Тезисы докл. и сообщ. Новосибирск, 1-3 дек. 1971 г. – Томск, 1972. – С.3-4.

83. Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – С.3-54.

84. Окладников А.П., Оводов Н.Д. Новый памятник палеолита на Алтае с левалдуазской техникой обработки камня // Археология и краеведение Алтая. – Барнаул, 1972. – С.3-6.

85. Окладников А.П., Оводов Н.Д. Палеолитическая стоянка в Денисовой пещере на Алтае // АО 1977 г. – М., 1978. – С.266-268.

86. Окладников А.П. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 года) // Палеолит Сибири. – Новосибирск, 1983. – С.5-20.

87. Лапшин Б.И. Разведка в долинах рек Катунь и Бии // АО 1976 г. – М., 1977. – С.215.

88. Лапшин Б.И. Археологические находки в предгорьях Алтая // АО 1977 г. – М., 1978. – С.247-248.

89. Лапшин Б.И. Каменные орудия из района слияния Бии и Катунь // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С.14-23.

90. Кадников В.Х., Лапшин Б.И. Каратурук – новая стоянка каменного века Горного Алтая // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1978. – С.3-10.

91. Кубарев В.Д., Зяблицкий С.С., Чевалков Л.М., Гребенчиков А.В. Разведка в Горном Алтае // АО 1977 г. – М., 1978. – С.244-245.

92. Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск, 1980. – С.69-91.

93. Кубарев В.Д. Разведки и раскопки на Алтае // АО 1979 г. – М., 1980. – С.212-213.

94. Гричан Д.В. Морфологическая характеристика подлещного материала стоянки Тургун (Горный Алтай) // Палеолит и мезолит юга Сибири. – Иркутск, 1982. – С.137-153.

95. К у б а р е в В.Д. Работы на Алтае // АО 1980 г.- М., 1981.- С.187-188.
96. К у н г у р о в А.Л. Находки палеолитических вещей на реке Ело в Горном Алтае // Древняя история Алтая.- Барнаул, 1980.- С.22-24.
97. К и р я ш и н Д.Ф. Работы Алтайской экспедиции // АО 1978 г.- М., 1979.- С.228-229.
98. Б а р ы ш н и к о в Г.Л., К и р я ш и н Д.Ф., М а л о л е т к о А.М. Пещера Иульчак - новый археологический памятник на Алтае // Древняя история Алтая.- Барнаул, 1980.- С.3-15.
99. К у н г у р о в А.Л. Новые памятники эпохи палеолита в Салтонском районе Алтайского края // Барнаулу 250 лет: Тез. докл. и сообщ. к научн. конф. (1-2 июля 1980 г.).- Барнаул, 1980.- С.53-56.
100. К у н г у р о в А.Л. Разведка на востоке Алтайского края // АО 1979 г.- М., 1980.- С.215.
101. К у н г у р о в А.Л. Работы Бийского отряда // АО 1980 г.- М., 1981.- С.189-190.
102. К и р я ш и н Д.Ф., К у н г у р о в А.Л. Новое верхнепалеолитическое местонахождение Ушлеп I на Алтае // Палеолит Сибири.- Новосибирск, 1983.- С.34-36.
103. П о с р е д н и к о в В.А. Разведка в Горном Алтае / АО 1976 г.- М., 1977.- С.234.
104. П о с р е д н и к о в В.А., Ш у н ь к о в М.В. Новое палеолитическое местонахождение в Горном Алтае // Древняя история Алтая.- Барнаул, 1980.- С.16-21.
105. Ш у н ь к о в М.В. Исследование палеолитических местонахождений в Горном Алтае // АО 1978 г.- М., 1979.- С.284.
106. Ш у н ь к о в М.В. Каменная индустрия местонахождения Томечин II (Горный Алтай) // Палеолит и мезолит впа Сибири.- Иркутск, 1982.- С.127-136.
107. Ш у н ь к о в М.В. К вопросу о мустьерских памятниках Алтая // Палеолит Сибири.- Новосибирск, 1983.- С.31-33.

А.Л.Кунгуров
(Алтайский государственный университет, Барнаул)

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ НА ВЕРХНЕМ АЛЕЕ

Предгорья юго-западного Алтая пока очень бедны палеолитическими памятниками. До недавнего времени здесь были известны только 4 пункта находок палеолитических изделий: Покровское и Таловское местонахождения /1, с.99-107/, леваллуазская пластина из Бобково /2, с.67-73/ и немногочисленные сборы на оз.Колыванском. Для обширного региона, каким является юго-западный Алтай, это чрезвычайно мало, поэтому особенно интересны данные о находках каменных орудий в верховьях р.Алей.

В 1970 г. в ходе проводимого Я.А.Шером археологического обследования ложа затопления тогда проектируемого, а ныне действующего крупного водохранилища у с.Гилево обнаружены первые каменные орудия на галечных косах Алая. В 1972-1975 гг. раскопки памятников, попадающих в зону затопления Гилевского водохранилища, производила экспедиция ИА АН СССР под руководством В.А.Могильникова /3, с.39-43/. Участниками этой экспедиции были сделаны сборы древних предметов на галечных косах и отмелях Алая. Найдены десятки фрагментов керамики, преимущественно эпохи бронзы, костяной и каменные наконечники стрел, свыше сотни каменных орудий и кости ископаемых животных. Основная масса находок находится в Алтайском краевом краеведческом музее (инв.№ 13151, 13213, 13214, 13216, 13511), меньшая часть - хранилище лаборатории археологии и этнографии Алтая (инв.№ 1). Вместе с этим материалом в настоящей статье будут использованы сборы краеведа Г.А.Клюкина в устье р.Золотухи, левого притока Алая. Как уже сказано, все орудия, о которых пойдет речь, собраны на бичевнике Алая, они в разной степени окатаны и патинизированы, относятся к разным эпохам. Поэтому и речи не может быть о принадлежности их какой-либо стоянке, разрушенной или разрушаемой рекой. Распределить собранный материал можно только в самом общем виде (средний, верхний палеолит, более поздние периоды).

Среднепалеолитических памятников на Алтае известно свыше десятка, почти все они расположены в Горном Алтае. Предгорья пока не радуют исследователей находками более древними, чем

верхний палеолит, исключение составляет только леваллуазская пластина из Бобково, опубликованная А.П.Окладниковым и О.М.Адаменко. На этом фоне новые находки леваллуазских изделий представляет большой интерес. Они выделены по устойчивым и своеобразным признакам данной техники расщепления камня – остатку фасетированной выпуклой ударной площадки в форме "треуголки" и негативу предыдущего, чаще треугольного или подтреугольного по очертаниям скола. В общей сложности насчитывается 30 подобных предметов, включая 2 леваллуазских скола и нуклеус с р.Золотуха, устье которой расположено в 30 км от с.Гилево ниже по течению Аля. Мы не учитываем 85 отщепов, так как многие из них могли быть получены как в среднем, так и в верхнем палеолите. Следует сказать, что подавляющее большинство отщепов имеет вторичную обработку (рис.4 – 4). В коллекции есть 4 леваллуазских нуклеуса. Наиболее выразительно изделие с устья Золотухи. Оно представляет собой бифас овальной формы с выделенной на одном из его концов ударной площадкой, составляющей прямой угол с осью орудия. С нуклеуса снято 2 небольших скола, которые имели характерные "треуголки" и крупный ударный бугорок, занимающий большую часть вентральной стороны (рис.3 – 1). Нуклеус был выброшен, видимо, потому, что последний скол "ушел" вглубь и сделал невозможным дальнейшее снятие заготовок. Остальные нуклеусы характеризуются аналогичным в принципе способом оформления и скальванием заготовок. Только один в большей мере сработан (рис.3 – 2), а 2 других менее выразительны, хотя достаточно типичны (рис.4 – 3).

В коллекции выделяются 3 типа леваллуазских заготовок, которые использовались для изготовления орудий. Первый тип – острин, или снятия, имеющие подтреугольные очертания (18 экз.). Второй – подпрямоугольные сколы, напоминающие укороченные широкие пластины (5 экз.). Третий тип представлен одной крупной пластиной. Сколов, не подвергшихся вторичной обработке, нет, за исключением изделия с Золотухи. Среди орудий выделяются 2 – крупный остроконечник и обработанный с дорсальной стороны небольшой треугольный предмет, скорее всего, скребок. Края остроконечника тщательно оббиты и ретушированы с двух сторон. Дистальный конец клинка обработан бифасиально. Сколы полностью удалили дорсальную и вентральную поверхности этой части заготовки (рис.1 – 1). Второй предмет имеет 2 сходящихся рабочих края, односторонне обработанных сколами и притупляющей ретушью (рис.4 – 3).

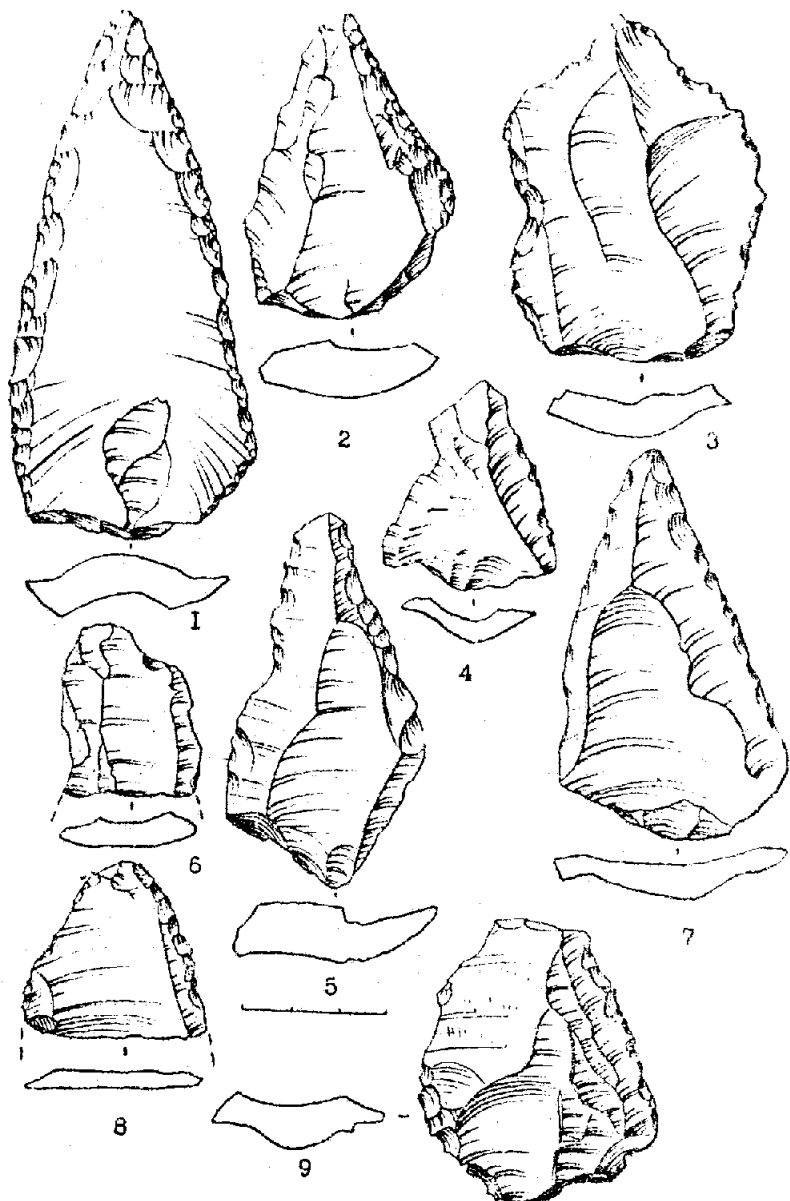

Рис. I. Лева́ллазские находки: наконечник (I) и
острия (2 - 9)

Восемь орудий изготовлены из острий с минимальным изменением их формы — у них двусторонне ретушированы края. Ретушь прерывистая, приострающая, разнофасеточная. По-видимому, эти изделия являлись полифункциональными, хотя все они окатаны и достаточно четко определить их нельзя (рис.1 — 4, 5, 7, 9; 2 — 1, 2, 5, 10). Четыре острия представлены в обломках: 2 дистальные и 2 проксимальные части. Один дистальный обломок имеет двусторонне обработанные сколами и ретушью края (рис.1 — 6), второй оставлен почти без обработки (рис.1 — 6). Точно так же можно охарактеризовать и проксимальные фрагменты (рис.2 — 6, 7). Одно острие путем тщательной отделки правого края с дорсальной стороны превращено в скребло, напоминающее верхнепалеолитические скребла-остроконечники (рис.1 — 2). Комбинированным орудием является шестнадцатое острие. Его дистальный конец, выделенный своеобразными плечиками, видимо, использовался в качестве проколки, сверла или развертки. На левом крае с дорсала сформирован выемчатый рабочий край скобеля (рис.1 — 3). Похожие плечики есть и на последнем острие из серии гилевских предметов. Они расположены симметрично на обоих краях: на правом выемка обработана ретушью с вентральной стороны, на левом — серия сколов с дорсальной. Снятие с устья Золотухи маловыразительно (рис.4 — 2).

Второй тип заготовок, в который включена и находка с Золотухи (рис.4 — 1), не дает нам такого разнообразия орудий. Края этих изделий обработаны сколами и ретушью, форма почти не изменена (рис.2 — 3, 4, 8). Так же обработаны края единственной леваллуазской пластины (рис.3 — 9). Набор среднепалеолитического инвентаря, имеющийся в коллекции с Алая, конечно, сужен, так как леваллуазские орудия и отщепы эпохи среднего палеолита с большой долей достоверности в ней выделить почти невозможно. Но, тем не менее, он полностью соответствует сериям леваллуазских предметов из других среднепалеолитических памятников Алтая. Изучение стоянок этого времени, а они, несомненно, будут найдены в юго-западном Алтае и его предгорьях, даст возможность ответить на вопрос происхождения леваллуазских культур Сибири. Верховья Алая граничат с Восточным Казахстаном, через который носители леваллуазских традиций могли прийти из южных районов Евразии.

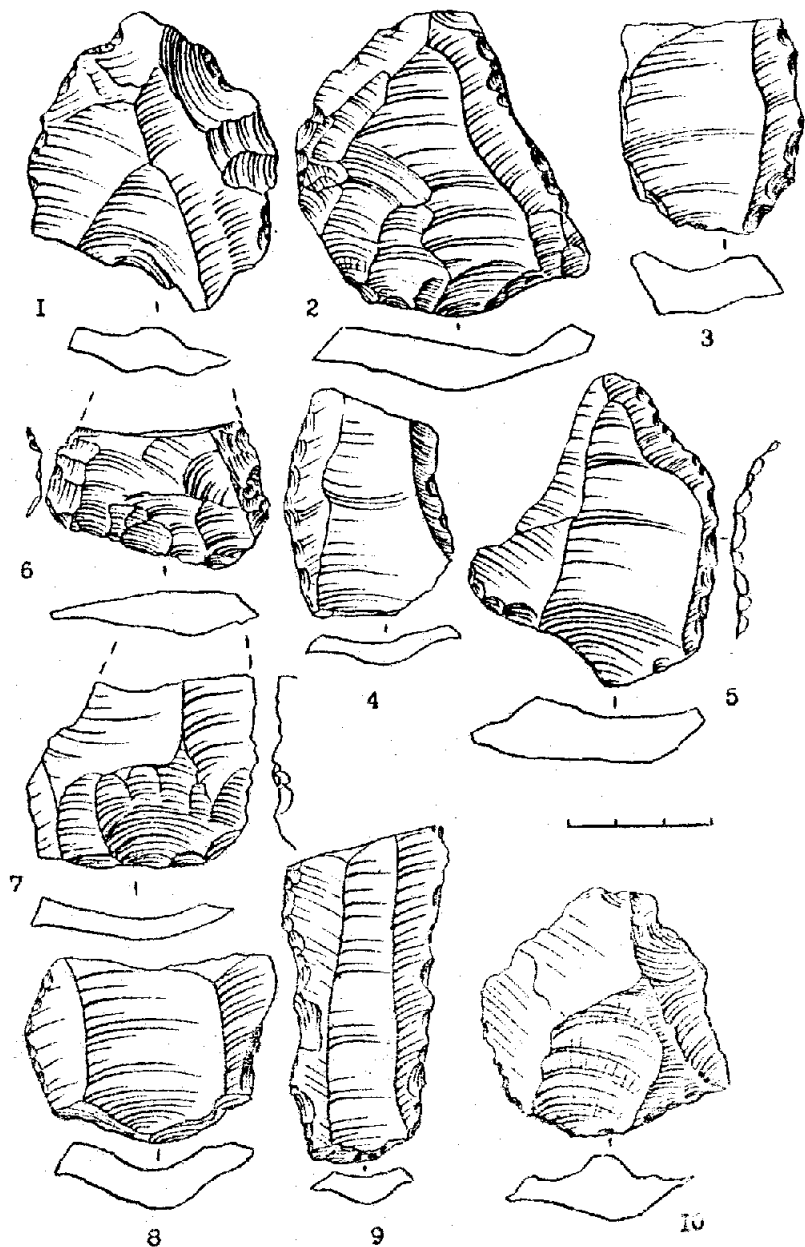

Рис.2. Орудия на леваляуазских заготовках

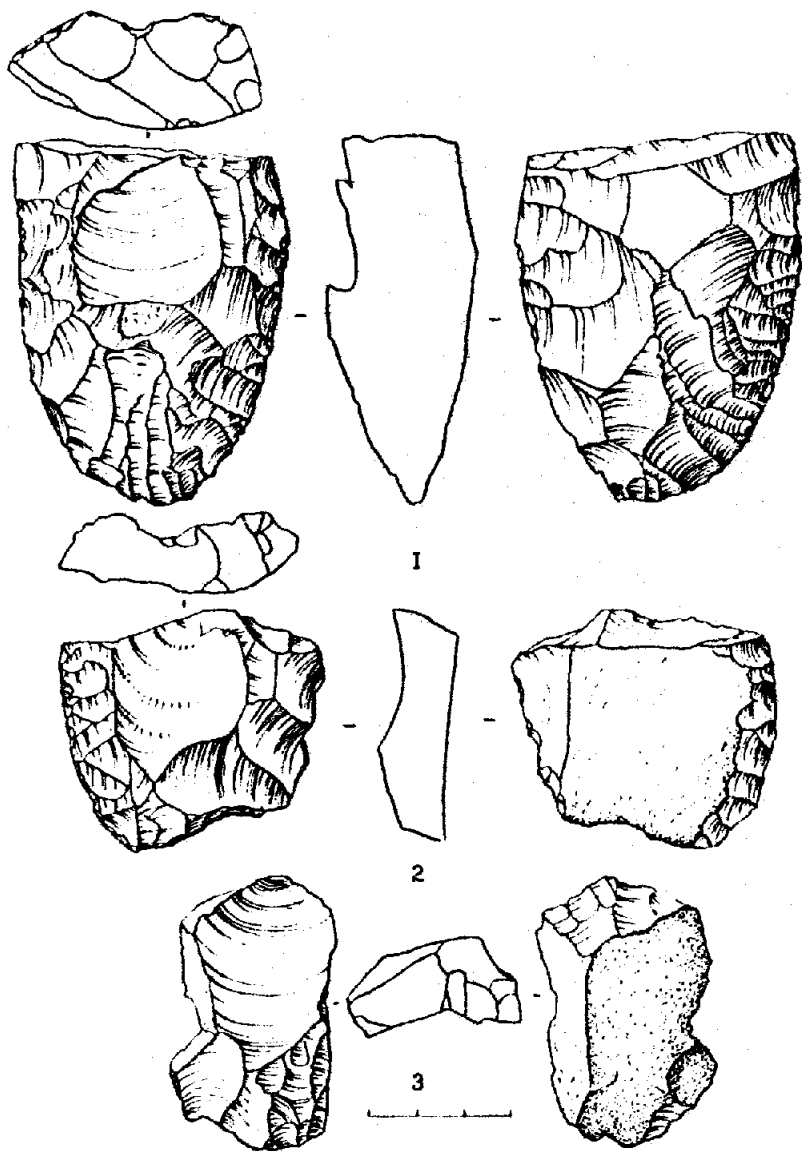

Рис. 3. Леваллуазские нуклеусы

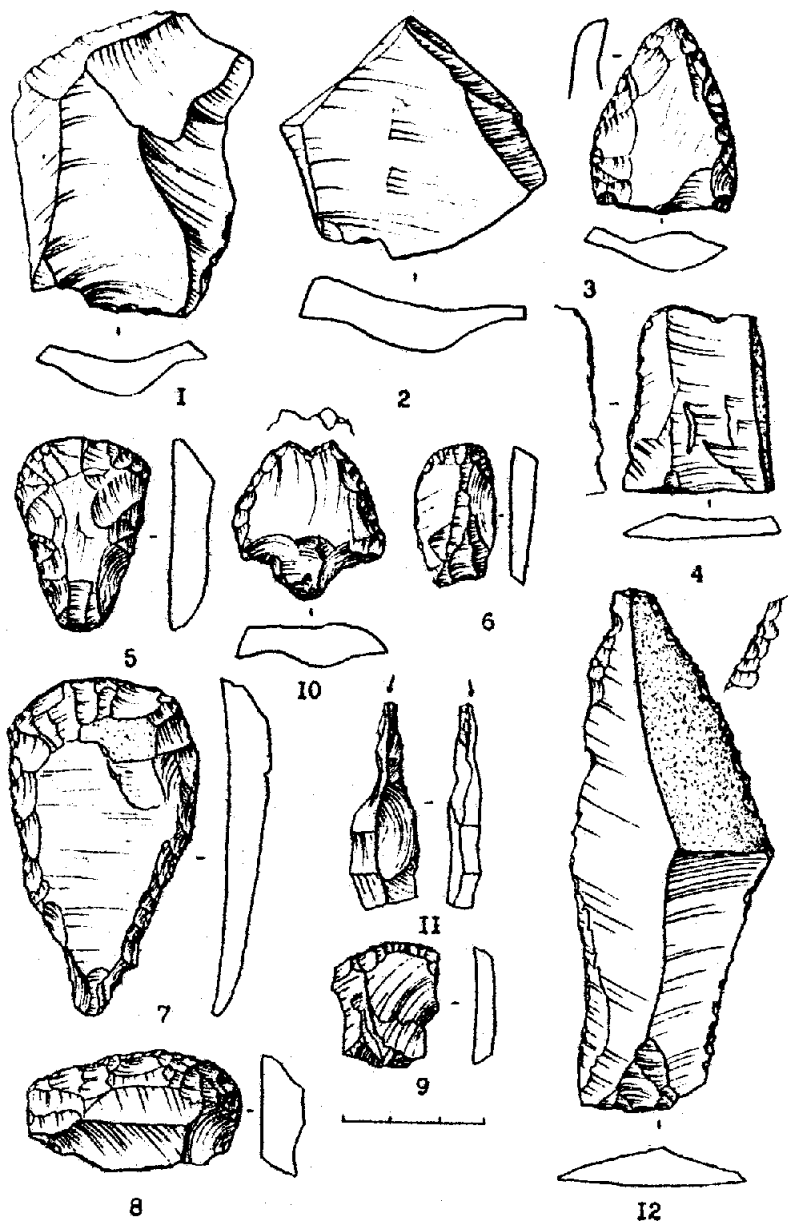

Рис. 4. Каменные изделия

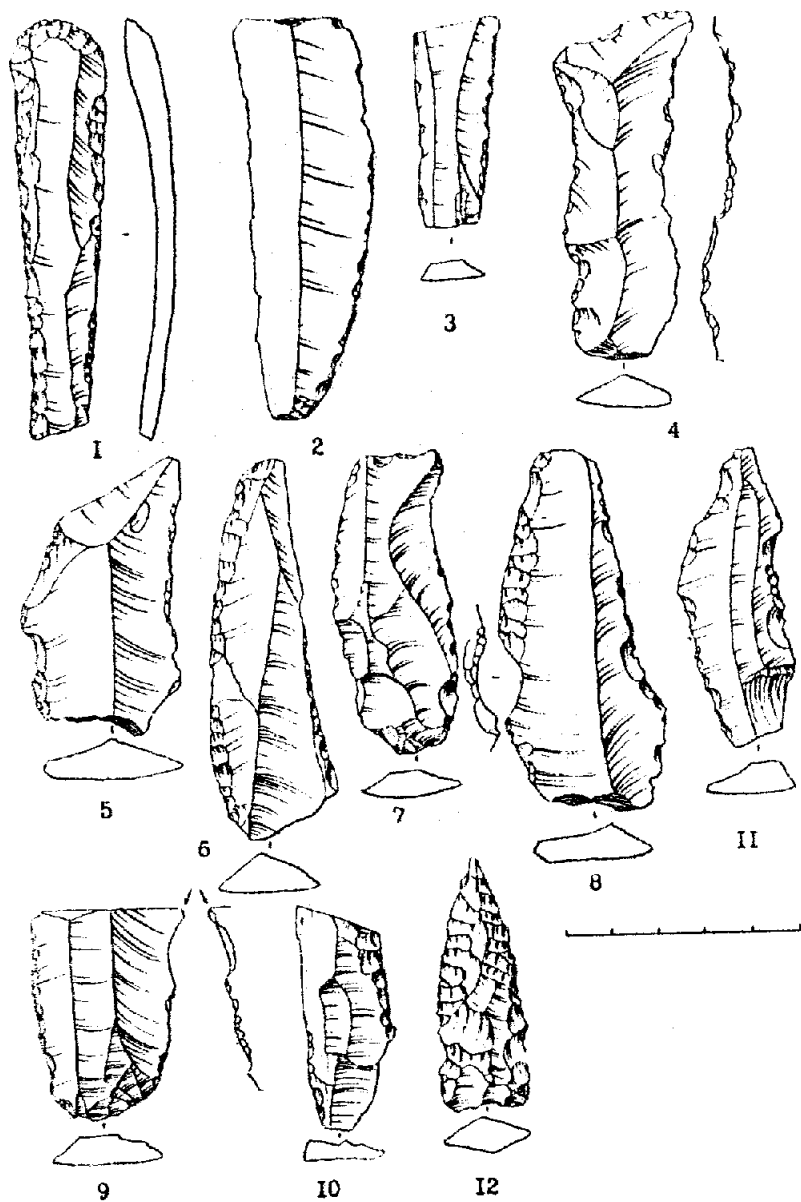

Рис. 5. Находки верхнепалеолитического времени

Предметов, относящихся к верхнепалеолитическому времени, 38, из них 22 орудия, 13 пластин и 3 реберчатых скола. Не исключено, что некоторые могут датироваться и более поздним временем. Пластинки крупные, неправильных очертаний, все обработаны ретушью и мелкими сколами. 4 из них ретушированы по обоим краям с дорсала (рис.5 - 10), 7 ретушированы по обоим краям двусторонне (рис.5 - 2), одна имеет края, притупленные с вентральной стороны (рис.5 - 5). В коллекции имеется 6 скребков. Два концевых - на пластине (рис.6 - 1) и на отщепе (рис.4 - 6), один веерообразной формы, обработанный притупляющей ретушью и сколами по периметру (рис.4 - 5), два скребка на отщепах с продольно (рис.4 - 8) и поперечно (рис.4 - 9) расположенными овальными рабочими кромками. Последний найден на Золотухе. Оттуда же происходит еще один крупный веерообразный скребок (рис.4 - 7), крупное скребло, оформленное на плитке кремнистого сланца, и отщеп с двусторонне ретушированными краями, по-видимому, нож (рис.4 - 12). 2 изделия можно определить как скребки с прямым и выемчатым (рис.5 - 8) лезвием. 4 орудия являются остриями. 3 из них оформлены на острых углах отщепов, одно - на проксимальном конце небольшого удлиненного отщепа (рис.4 - 11) с помощью резцового скола. Единично представлены долотовидное орудие и небольшое скребло на овальном отщепе. Интересно своеобразное изделие с выделенным черешком и раздвоенным жалом, обработанное односторонне. Не исключено, что это наконечник какого-то метательного орудия (рис.4 - 10). Наконечник стрелы из гилевской коллекции имеет относительно крупные размеры и грубую обработку (рис.5 - 12).

В целом можно сказать, что верхнепалеолитическая коллекция менее интересна, чем более ранний материал, содержит различные и по времени и по происхождению предметы. Однако само их наличие в таком количестве на ограниченном отрезке реки свидетельствует о достаточно большой насыщенности памятниками верховьев Алая.

ЛИТЕРАТУРА

Г а й д у и И.М. Итоги исследования палеолита Алтайского края за годы Советской власти // Изв. Алтайского отдела Географического общества Союза ССР.- Барнаул, 1969.- Вып.10.- С.99-107.

2. Окладников А.П., Адаменко О.М. Первая находка леваалю-мустьерской пластины в среднеплейстоценовых отложениях Сибири // Четвертичный период Сибири.- М., 1966.- С.67-73.

3. Могильников В.А. Археологические исследования на верхнем Алее // Археология и краеведение Алтая.- Барнаул, 1972.- С.39-43.

С.В.Маркин

(Институт истории, филологии и философии СО АН СССР,
Новосибирск)

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ В ГОРНОЙ ШОРИИ

Горная Шория - физико-географический район в южной части Кемеровской области - входит в пределы Бийско-Шорской физико-географической провинции, составляющей часть Кузнецко-Салаирской области /1/. Совместно с Кузнецким Алатау, Бийской Гривой, северной и средней частью Абаканского хребта образует так называемое Кузнецкое нагорье /2/; охватывает северные предгорья Алтайской горной системы, где сходятся хребты северо-восточного Алтая, Кузнецкого Алатау и Салаирского кряжа. Район соответствует рельефу первого класса (горные районы) с интенсивным положительным рельефом большой силы /3/. Естественными границами Горной Шории служат: верхний участок долины Томи на севере, на юге - хребет Бийская Грива, с запада ее ограничивает р.Кондома, а с востока - Абаканский хребет. В центральной части расположен Шорский хребет, разделяющий страну на два различных в орографическом отношении подрайона: северо-западный и юго-восточный. Рельеф первого подрайона - низкогорный, постепенно переходящий к северо-западу в гривисто-увалистые пространства Кузнецкой котловины /4/, второго - среднегорный, сильно расчлененный. Северо-восточные районы отличаются довольно очерченными формами рельефа. В северо-западных преобладают широкие, нередко заболоченные равнины с относительно пологими склонами; поднимающиеся здесь горные массивы

имеют мягкие очертания /5/. Климат страны континентальный, умеренный. Значительное количество атмосферных осадков в сочетании с относительно прохладным летом способствует почти повсеместному распространению черневой тайги.

В археологическом аспекте территория Горной Шории изучена крайне слабо, что объясняется большой залесенностью и труднодоступностью данного района. Существующие исследования носили, как правило, рекогносцировочный характер, а полученные материалы не выходили за рамки простой констатации факта, что объясняется, впрочем, малочисленностью источника /6/.

Открытие палеолита в Шории связано с именем выдающегося исследователя сибирских древностей А.П.Окладникова. Обнаруженный и исследованный им памятник у п.Кузедеево (Аил) на р.Кондома в 1962 г. /7/ и сейчас является наиболее представительным в свете новых находок. Речь идет о кладе, обнаруженном на третьей надпойменной террасе. Расщепленные кремни происходили из четко оконтуренного скопления, находящегося в лессовидных отложениях. Содержание клада, являющегося, очевидно, комплексом кратковременного накопления, представляет набор специфических для сибирского палеолита предметов. Техника первичного раскалывания представлена двусторонним радиальным ядрищем и крупным сколом с подпризматического нуклеуса /8/. Они дополняются массивными, достаточно стандартизованными отщепами и вторичными сколами, рассматриваемыми первооткрывателем как заготовки для скребловидных инструментов /9/. Техника вторичного оформления характеризуется лицевой, крупной, ступенчатой, чешуйчатой, разнофасеточной ретушью. Среди орудийного набора особенно многочисленны скребла /10/ – 5 экз., одно из которых представлено типом "рабо". Остальные – на крупных отщепах – простые, продольные с выпуклым рабочим краем. В одном экземпляре присутствуют галечное орудие (чашпер) и мустьерский остроконечник, изготовленный из темной кремнистой породы и обладающий ретушированными продольными краями, сходящимися на острие. Таким образом, клад представляет собой специфический контекст, содержанием которого являются в основном заготовки и сами орудия, имеющие преимущественно однородную типологическую направленность.

В 1979 г. при осмотре террас у с.Кузедеево обнаружено несколько разновозрастных памятников, часть которых палеолитические.

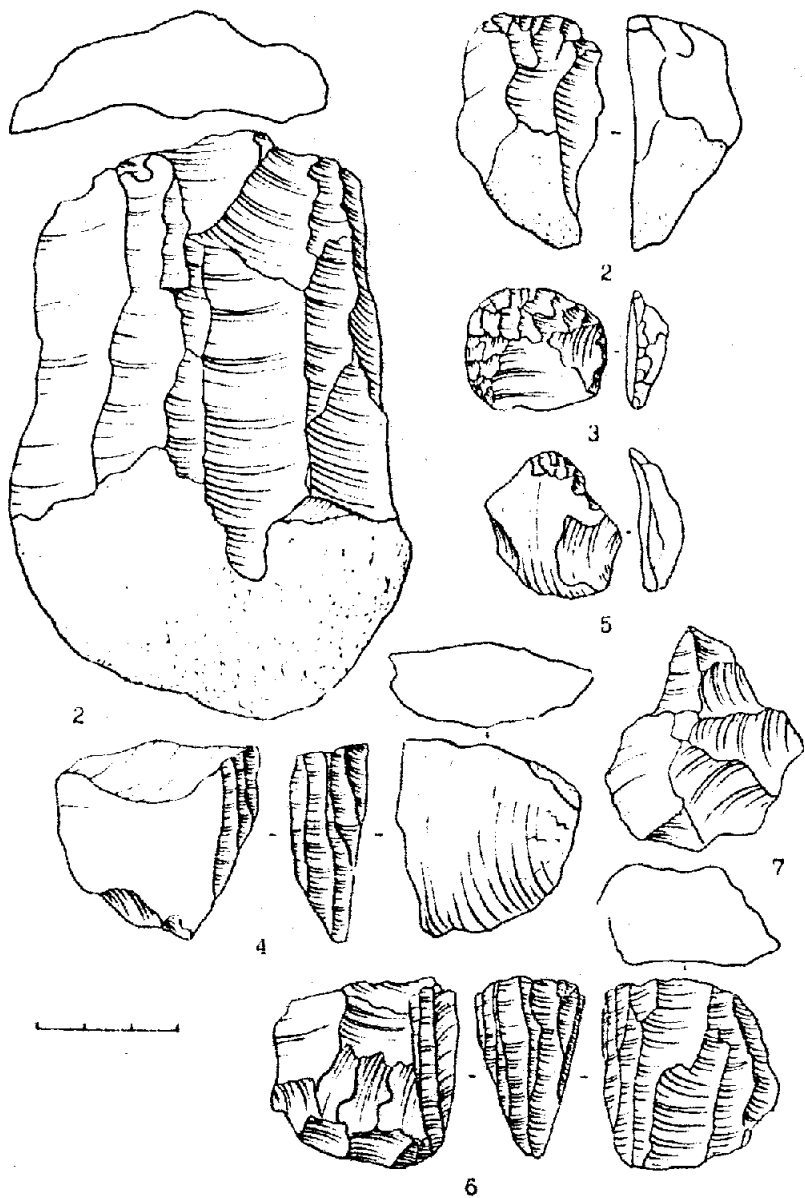

Рис. 1. Каменный инвентарь местонахождения Кузедеево У

Первое местонахождение (Кузнецово) расположено на третьей террасе левого берега реки, в 300-350 м севернее "клада". В стенке глубокой промоины, прорезавшей не только террасу, но и ее склон, обнаружено несколько кремней в слое лессовидного светло-коричневого суглинка, перекрывающегося современной почвой. Судя по условиям залегания, данный памятник, видимо, одновременно кладу. Рядом на террасе собран обильный подъемный материал. Техника первичного расщепления, помимо различных продуктов раскалывания, включающих потенциальные заготовки и технические сколы, иллюстрируется хорошо диагностируемыми нуклеидными формами, в основе которых лежит параллельный принцип снятия заготовок. Плоские нуклеусы представлены в двух своих основных разновидностях: одно- и двуплощадочных. Одноплощадочные формы (рис.1 - 1) характеризуются скошенной, как правило, гладкой отбивной площадкой, с которой произведены параллельные снятия, занимающие часть полезной площади остаточного продукта (рис.1 - 1; 2 - 1). В некоторых случаях негативы рабочей поверхности образуют различного рода заломы и карнизы, в основе которых лежат сырьевые дефекты. Тильная сторона нуклеусов, помимо негатива оформления ударной площадки, содержит остатки исходного сырья. Двуплощадочные разновидности также содержат одну рабочую поверхность, заполненную негативами снятий встречной ориентации (рис.2 - 2). Помимо плоских нуклеусов индустрия памятника содержит торцовые формы, сущность которых заключается в расположении рабочей стороны, занятой обычно негативами пластинчатых снятий. Часть подобных форм определяется как вторичные (рис.1 - 4) В качестве заготовок использованы массивные отщепы. Ударные площадки формируются посредством продольных сколов, видоизменяющих очертания заготовки. Собственно торцовых нуклеусов не так много. Для них характерны прямые ударные площадки, подготовленные продольно-поперечными сколами, и рабочие поверхности, занимающие не только узкую грань треугольных очертаний, но и широкие стороны (латерали) ядрища (рис.1 - 6). Эти нуклеусы по техническому исполнению отличаются от широко бытующих в Северной Азии клиновидных форм и представляют собой уменьшенные варианты

одноплощадочных двусторонне-сопряженных комбинаций. Орудийный набор коллекции представляет разнообразные категории, имеющие различную типологическую направленность. Наиболее представительны скребки (рис.1-2,3,5). В качестве загото-

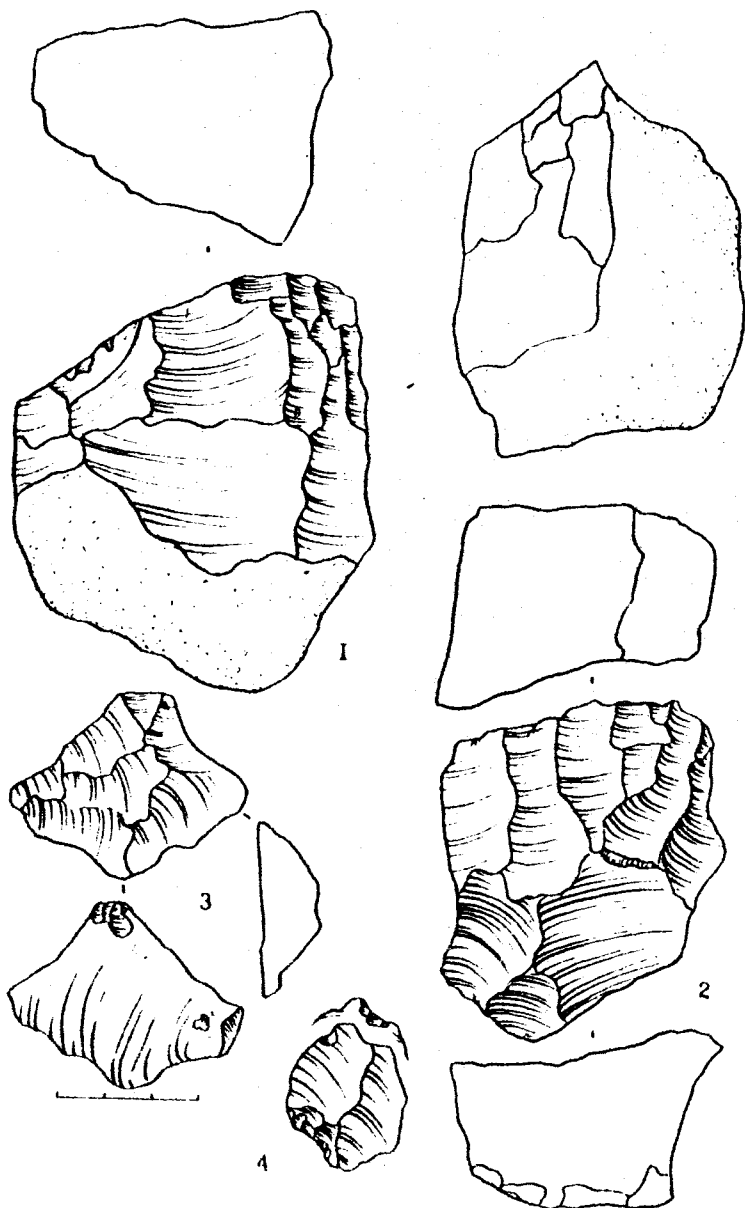

Рис. 2. Каменный инвентарь местонахождения Кузнецово У

вок применялись либо отщепы, либо укороченные пластинчатые сколы. Ретушь рабочего участка лицевая, удлиненная, чешуйчатая, чешуйчато-ступенчатая, разнофасеточная, крутая и полукрутая. Форма рабочего края скребков прямая, выпуклая. Ретушированные пластины не превосходят в длину 7-8 см. Ретушь продольной ориентации преимущественно лицевая, реже брешковая и чередующаяся, чешуйчатая, линейная, непрерывная. Единичны пластины с приморетужными концами лицевой отделки. Количественно немногочисленны выемчатые орудия, проколки и долотовидные формы (рис.1-7,2,3,4). Кроме перечисленных форм орудийного набора, в коллекции памятника присутствуют скребла, морфологически не отличающиеся от аналогичных артефактов "клада", изготовленные на отщепах (рис.3 - 1,2), некоторые из них на дорсальных плоскостях содержат остатки галечной корки. Классифицируются как простые, продольные и поперечные скребла с выпуклыми или вогнутыми рабочими краями. Ретушь в основном чешуйчатая, чешуйчато-ступенчатая, лицевая, крупнофасеточная.

Следующее местонахождение, получившее наименование Кузедеево УІ, обнаружено на северной окраине с.Кузедеево, в 1,5 км западнее пятого пункта, на склоне обнаженного шочоля террасы. Произведенные подъемные сборы немногочисленны. Обращает внимание нуклеус интересной комбинации (рис.4 - 4), выполненный из кремнисто-глинистого сланца. По широким плоскостям предмет определяется как ядрище продольно-поперечного принципа снятия. По торцовым же поверхностям расположены еще две фронтальные плоскости подтреугольных очертаний, где произведены снятия в параллельных, но противоположащих плоскостях. Таким образом, нуклеус имеет четыре сопряженные поверхности со снятиями, произведенными в различных направлениях. Кроме описанного предмета, коллекцию характеризуют односторонние одноплошачные ядрища параллельного принципа снятия (рис.4 - 1); простые продольные скребла лицевой и брешковой отделки (рис.4 - 3), изготовленные из отщепов; ретушированные сколы (рис.4 - 2).

Кузедеево УІ расположено на той же террасе, что и предыдущие памятники, в 2,5 км севернее пункта У, вниз по течению реки. На обнажении собраны первичные сколы и отщепы из серых кремнистых пород с широкими ударными площадками, как правило, галечными. Один предмет можно рассматривать как ядрище бессистемного принципа снятия в крайней степени "истощения".

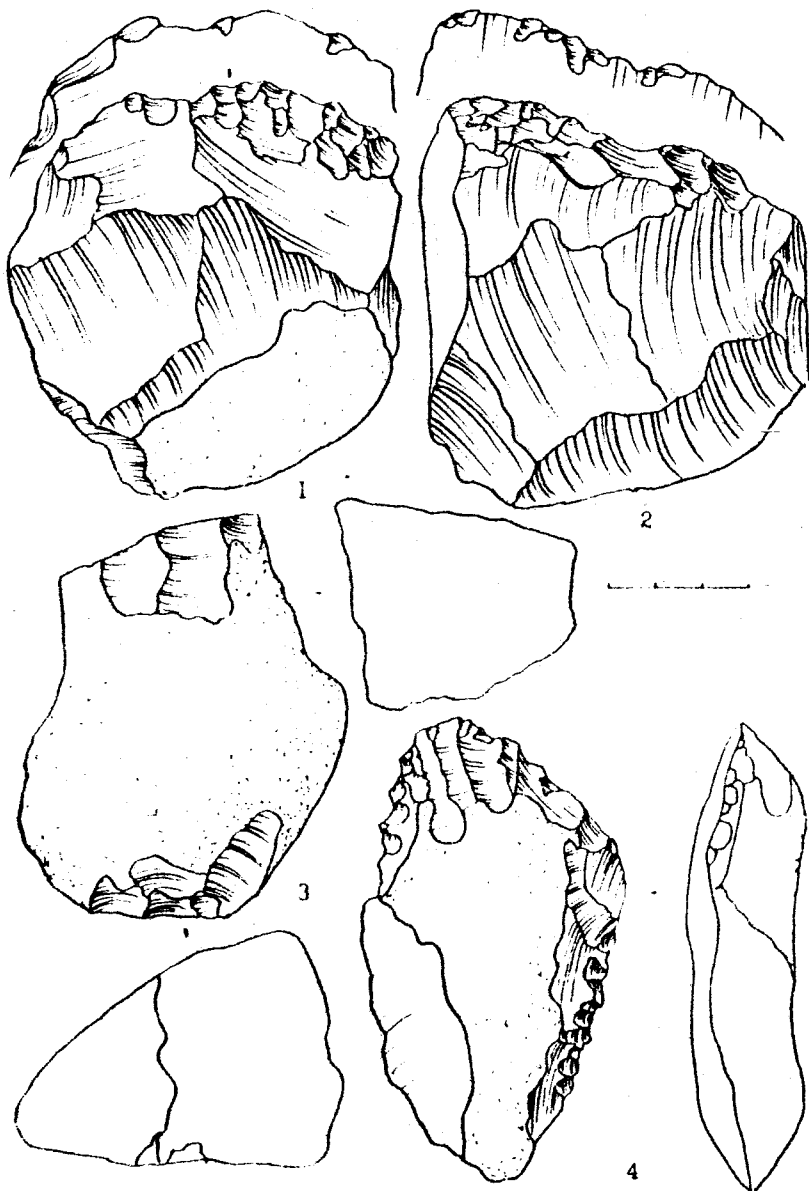

Рис. 3. Каменный инвентарь местонахождений Кузедеево У (1, 2) и Гоз I (3, 4)

Часть памятников подъемного характера расположена севернее с. Кондома Новокузнецкого района Кемеровской области, на террасе правого берега с абсолютной высотой 25-27 м (Кондома II, Мвнды-баш III, Усть-Тала I, Сосновка). Их характеризуют немногочисленные подъемные сборы, включающие продукты первичного раскалывания, скребла, зубчато-выемчатые орудия. На Усть-Тале II найден скол треугольных очертаний с негативом первого снятия и фасетированной ударной площадкой.

У поселка Сарбала обнаружено несколько памятников, среди которых наиболее представительный Сарбала III. Местонахождение расположено в 300-х м западнее населенного пункта, на склоне террасы с отметкой 4,6 м правого берега р. Калтанчик, в устье безымянного ручья. Произведенная зачистка показала, что содержанием склона террасы являются супеси, суглинки и галечники, базирующиеся на цоколе вертикально залегающего кремнистого сланца. Небольшие стационарные исследования, проведенные несколько позднее, показали следующую стратиграфию:

1. Современная почва, представленная гумусированным горизонтом, пористая, пронизанная корешками растений. В подошве многочисленны угольные примазки и мелкие, хорошо окатанные галечки (порфиры и порфириты) — мощность — 0,16-0,26 м.

2. Супесь светло-коричневого цвета, тонкослоистая, плотная, отваливается пластами по горизонтали, в кровле многочисленны угольные примазки и мелкие овальные, хорошо окатанные галечки, как правило, кремнистые и кварцитовые — 0,26-0,34 м.

3. Суглинок темно-коричневого цвета, со столбчатой отдельностью, комковатый, карбонатный, в средней части и в подошве многочисленны карбонатные стяжения, при высыхании цементируется. По всей мощности части красноватые плитки песчаника. В подошве, а точнее, на контакте суглинка и нижележащего галечника, культурный слой, невыраженный в цветовом отношении, — 0,94-1,0 м.

4. Гравийно-галечниковый горизонт руслового аллювия с заполнителем крупнозернистого желтого песка. Галька мелкая, отсортированная, без каких-либо угловатых обломков. Прокопан до глубины — 0,08-0,1 м.

Фаунистические остатки на памятнике отсутствовали, если не считать двух-трех фрагментов раздробленных зубов, принадлежащих, видимо, лошади (определение кандидата биологических наук Н.Д. Овдова. ИИГиФ СО АН СССР).

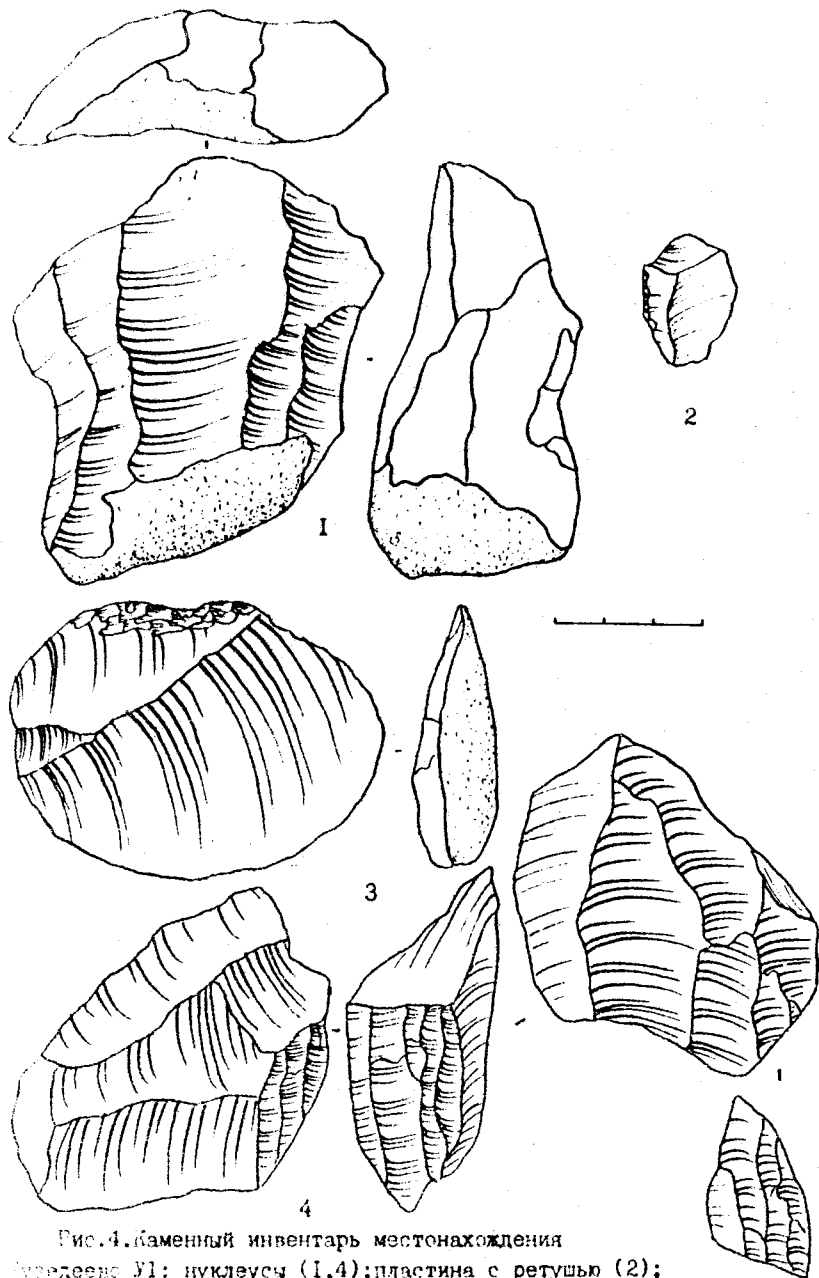

Рис. 4. Каменный инвентарь местонахождения
 Туредево У1: нуклеусы (1, 4); пластина с ретушью (2);
 ядро (3)

Культурные остатки немногочисленны. Всего выявлено 30 предметов. Из них: нуклеусы - I экз., боковые сколы с нуклеусов правильной огранки - I, первичные сколы - I, вторичные - I, отщепы - 13, пластины - 9, расщепленные гальки - I, орудия - 2 экз.

Техника первичного расщепления представлена одним нуклеусом, боковым сколом с нуклеуса, отщепами и пластинами, лишенными вторичной обработки. Единственный нуклеус (рис.5-1) радиальный, плоско-выпуклый в сечении, двусторонний, изготовленный из темного кремня. Плоская поверхность продукта раскалывания заполнена широкими сколами, снятыми с круговой ударной площадки, выпуклая, помимо широких негативов, содержит остатки исходного сырья. Боковой скол с нуклеуса (рис.5 - 3) правильной призматической огранки, из черного кремня, с незначительно сохранившейся ударной площадкой и плоскостью расщепления, направленной вовнутрь. Дорсальная сторона снятия имеет параллельно ориентированные негативы от скалывания пластинчатых заготовок, часть которых упирается в остаточную поверхность сырья в районе дистального окончания. Первичный скол из черного кремня, средний по размерам, с фасетированной площадкой. Вторичный скол темного кремня, мелкий по размерам, с гладкой площадкой. Среди отщепов: 4 крупных (3 - темного кремня, 1 - черного; у 2 - гладкие площадки, у 1 - фасетированная, 1 - не сохранилась), 5 - средних (2 - темного, 3 - черного кремня; 2 площадки не сохранились, 3 - гладкие); 4 - мелких (все черного кремня, 1 площадка гладкая, остальные не сохранились). Пластинчатые заготовки представлены одним проксимальным концом (рис.5 - 2), одной реберчатой пластиной (рис.5 - 4) и пластинками (рис.5 - 5). 3 экземпляра имеют на дорсальной плоскости остатки галечной корки. Ударные площадки сохранились на 6 экз., среди которых 4 фасетированных, 1 - гладкая и 1 - точечная. Одна заготовка выполнена из кварцита, одна из светлого кремня, 3 из темного и 4 из черного кремня. Орудийный набор памятника представляют 2 изделия. Это нож (?) с гладким обухом (рис.5 - 9), чуть выпуклым рабочим краем, обработанным крупно-фасеточной лицевой ретушью. В качестве заготовки использовано пластинчатое изделие темного кремня. Второй предмет соответствует выемчатым формам (рис.5 - 6), выполненным на пластинчатой заготовке темного кремня. Виемка, расположенная по продольному краю, оформлена одним брюшковым негативом, рядом и в пределах которого следы сработанности.

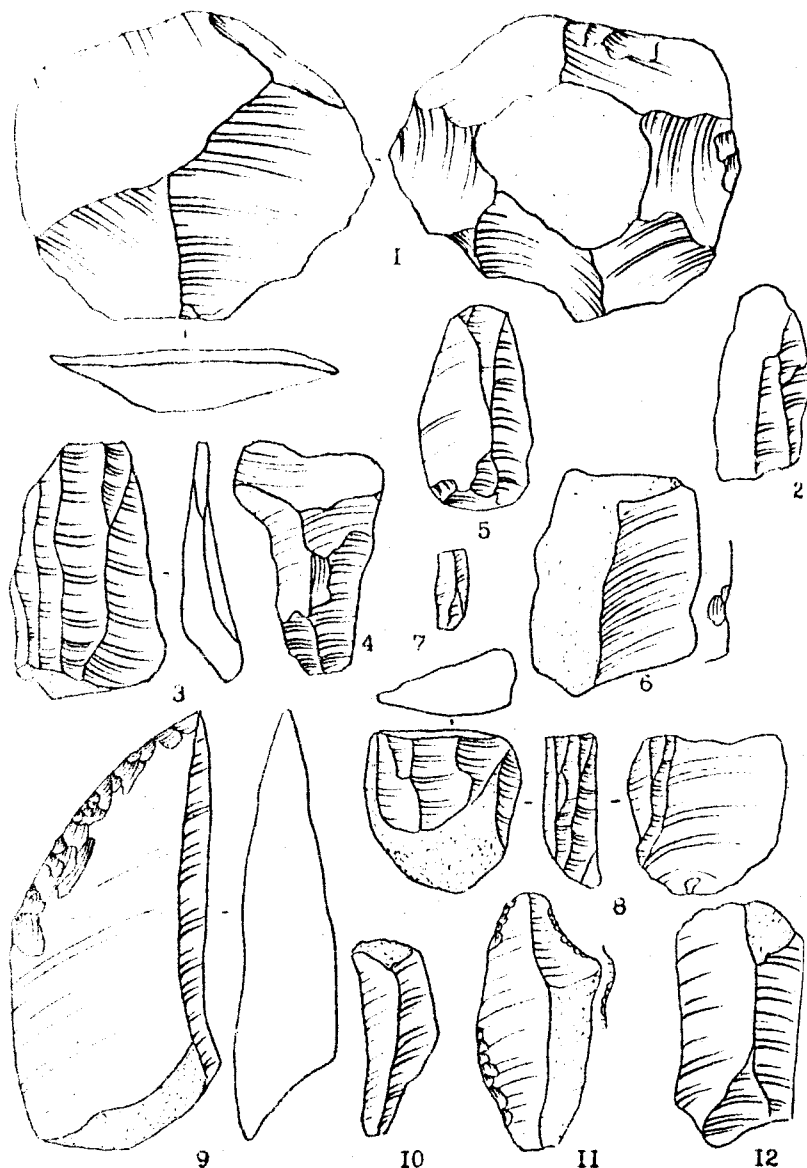

Рис. 5. Каменный инвентарь местонахождений Сарбала Ш (1-6, 9) и Сарбала П (7, 8, 10-12): нуклеусы (1, 8), пластины (2, 4, 5, 7, 10, 12), выемчатое орудие (6), нож (9), пластина с ретушью (11)

Местонахождение Сарбала I, обнаруженное А.И.Мартыновым в 1962 г., расположено на мысовом участке террасы при впадении р.Калтанчик в р.Кондому. Его характеризуют единичные находки, собранные на обнажении, ныне, к сожалению, утраченные.

Сарбала II расположена в 1,5 км восточнее пункта I, на третьей террасе правого берега р.Кондому, высотой 40 м. В образовавшейся небольшой промоине подобраны различные продукты первичного раскалывания. Среди немногочисленных находок выделяются: торцовое вторичное ядрище (рис.5 - 8) с гладкой ударной площадкой, выполненное на широком сколе оживления фронтальной поверхности нуклеуса; пластина с чередующейся ретушью (лицевая, брюшковая, мелкофасеточная, прерывистая, краевая) кремнисто-глинистого сланца (рис.5 - II), пластинки, снятые с односторонних одноплощадочных нуклеусов, о чем свидетельствуют негативы предшествующих снятий (рис.5 - IO) и микропластинки (рис.5 - 7).

На р.Мрас-Су в настоящее время известно два местонахождения недалеко от п.Тоз Новокузнецкого района Кемеровской области, получившие наименование Тоз I и Тоз II. Оба памятника, выявленные по сборам на поверхности, дислоцированы в районе распространения террасы, сложенной исключительно русловыми осадками, представляющими галечники, гравийные горизонты и крупнозернистые слабосортированные пески. Найдено, надо полагать, переотложены, о чем свидетельствует и сохранность артефактов, характеризуемая сглаженностью, окатанностью рельефа обработки. На первом памятнике помимо продуктов раскалывания заслуживает внимания 2 предмета. Это двуплощадочный односторонний нуклеус (рис.3 - 3) в начальной степени расщепления из кремнисто-глинистого сланца. Площадки гладкие, скошенные, с них снимались негативы встречной ориентации, занимающие часть полезной площади нуклеуса. Вторым предметом (рис.3 - 4) воплотил на одной заготовке комбинацию двух орудий, а именно - скребка и зубчатой формы. Скребок лезвие помещено на дистальном конце удлиненного вторичного скола. Ретушь рабочего участка высокая лицевая, удлиненная, чешуйчатая, разнофасеточная, что позволило изготовителю подчеркнуть и выделить чуть выпуклое лезвие. Продольный край заготовки содержит ретушь, различную по глубине снятия и протяженности, что привело к удлинению зубчатого участка.

На втором памятнике собраны только продукты раскалывания исходного сырья, среди которых лишь несколько отщепов с непред-

намеренной ретушью, как правило, прерывистой, мелкой, краевой, нерегулярной.

Описанные памятники наметили лишь первые перспективы поиска и исследования палеолита Горной Шории. Большинство из них представлены пока немногочисленными находками. Соответственно и выводы, вытекающие отсюда, носят сугубо предварительный характер.

Общий морфологический и типологический облик горношорских индустрий мало чем отличается от палеолитических артефактов и их контекста памятников долины Томи, расположенных неподалеку от описанных местонахождений /II/. Наблюдаемая степень сходства на уровне техники первичного расщепления, судность которой заключается в параллельном принципе снятия заготовок, вторичной обработке, в основе которой лежит преобладание лицевой отделки рабочих частей орудий, типологии орудийного набора, включающего различного рода скребла, зубчатые, выемчатые орудия и т.д. позволяет говорить о памятниках бассейна Томи, куда входят и индустрии Горной Шории, как о некоем региональном единстве по отношению к палеолитическим культурам сопредельных территорий.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. М и х а й л о в Н.И. Горы Южной Сибири. Физико-географическое районирование СССР.— М., 1968.— 210 с.
2. В д о л и н В.В. Основные этапы развития рельефа Сибири и Дальнего Востока // История развития рельефа Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1976.— С.35-60.
3. Западная Сибирь.— М., 1963.— 488 с.
4. С у с л о в С.П. Западная Сибирь. Физико-географическая характеристика.— М., 1947.— 238 с.
5. М и х а й л о в Н.И. Горы Южной Сибири.— М., 1961.— 233 с.
6. О в о д о в Н.Д., О р л о в а Н.Г., Д м и т р и е в В.Е. Археологические и палеозоологические находки в пещерах Горной Шории // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1979.— С.60-65.
7. М а р к и н а Н.Т., М а р к и н С.В. Археологическое развитие Горной Шории // И предстоящей научно-практической конференции "Молодые ученые Кузбасса в 10-й пятилетие", посвященной

XXVI съезду КИСС: Тез. докл. - Ч.П.- Кемерово, 1961.- С.259.

8. О к л а д н и к о в А.П. Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у п.Аил (с.Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая.- Барнаул, 1968.- С.58-70.

9. М а р к и н С.В., П о п о в Е.В. Новые палеолитические местонахождения в бассейне р.Томи // Археология Южной Сибири.- Кемерово, 1979.- С.29-35.

10. М а р к и н С.В. Палеолитическое местонахождение Шорохово на средней Томи // Палеолит Сибири.- Новосибирск, 1963.- С.93-100.

11. М а р к и н С.В. Находки палеолитических памятников в среднем течении р.Томи // Археология Южной Сибири.- Кемерово, 1983.- С.72-75.

Н.Д.Кунгурова

(Алтайский государственный университет, Барнаул)

РАЗВИТИЕ КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ В НЕОЛИТЕ ЮГО-ЗАПАДНОГО АЛТАЯ

Большая часть археологических материалов юго-западного Алтая происходит из разбросанных памятников, поэтому каменный инвентарь и керамику трудно бывает соотнести друг с другом и правильно датировать. Анализ керамики может дать хронологическую и культурную ее интерпретацию. Может ли смешанная каменная индустрия решить вопросы культуры и хронологии? Для этого камень следует рассматривать в комплексе: чем больше анализируемых единиц и чем больше сравниваемых сходных коллекций, тем конкретнее выводы. При этом каменный материал несет в себе ценную информацию о развитии хозяйства, которую не может дать керамика.

Памятники, рассматриваемые в статье, находятся в единых географических условиях и в сравнительной близости друг от друга: Павловка I, Кривое I, Гульбище (Угловский и Новогорьевский районы Алтайского края) /1/. Они расположены на озерах руслового происхождения, оставленных древними притоками Оби /2/. Памятники объединяет общая культурно-техническая традиция, выражаемая в микролитической пластинчатой индустрии, сходной по технике обработки, общему облику изделий, используемому сырью.

Эти признаки сближают каменный инвентарь с коллекциями Северного Казахстана /3, с.58; 4/.

П а в л о в к а I. Для этого поселения характерно большое количество вкладышей микролитического облика с подработкой: ретушью с броска - 55 % (рис. I - 21-23), концевой подработкой - 11 % (рис. I - 7-16) и резцовой техникой - 14 % (рис. I - 19-20) /5/. Концевая подправка разнообразна. Она выполнена либо притупляющей, либо длинной приострающей ретушью (подтеской). При этом торцы вкладышей приобретают скошенный, прямой, овальный, заостренный или вогнутый вид. Разнообразно ретушированы и края вкладышей. Много изделий с притупляющей ретушью (57 %), часто выполненной вертикально. В основном это мелкая и средняя ретушь, величина которой обусловлена, скорее всего, мелкими размерами сечений пластин (рис. I - 5-7). Выразительны многочисленные формы вкладышей: "рогатые", подправленные чаще всего притупляющей ретушью с выделенным шипом на торце (рис. I - 9-12), асимметричные и скошенные острия (рис. I - 17-18). Имеются единичные экземпляры геометрических микролитов: три трапеции - две низкие, одна крупная короткая и параллелограммы (рис. I - 13-16). В коллекции отсутствуют наконечники стрел на пластинах, но имеются двусторонне обработанные, видимо, более поздние, чем основная масса материала. Коллекция датирована поздним мезолитом-ранним неолитом. Подробный типлист Павловки I представлен в ранее опубликованной работе, посвященной данному памятнику /4/.

К р и в о е I. На поселении встречено 403 пластины и 400 отщепов (включая орудия). Наибольшее количество пластин представлено мелкими экземплярами - 108 (27 %), шириной 0,2-0,7, длиной 1-3,7 см. Пластин средних размеров - 99 экз. (24,6 %); сечений - 150 (37,2 %); пластин без обработки - 224 (56 %), обработанных с броска - 29,6 %, со спинки - 21,2 %. На типлисте показано соотношение видов ретуши и типов изделий (табл. I, 2). По одному краю ретушировано 8,4 % пластин. Среди изделий многочисленную группу (21 экз. - 11,7 %) составляют пластины с притупленным краем (рис. 2 - 9-22), резцы - 23 экз. (12,8 %) (рис. 2 - 35-36), острия - 13 (рис. 2 - 28-33). На стоянке собрано несколько десятков орудий на отщепах: 9 резцов, 5 скребков, 45 скребков, одно долотовидное орудие. Среди скребков преобладают изделия округлой формы, три из них - микроскребки, меньшее количество конвергентных и сегментовидных (рис. 2 - 45-47). Кроме

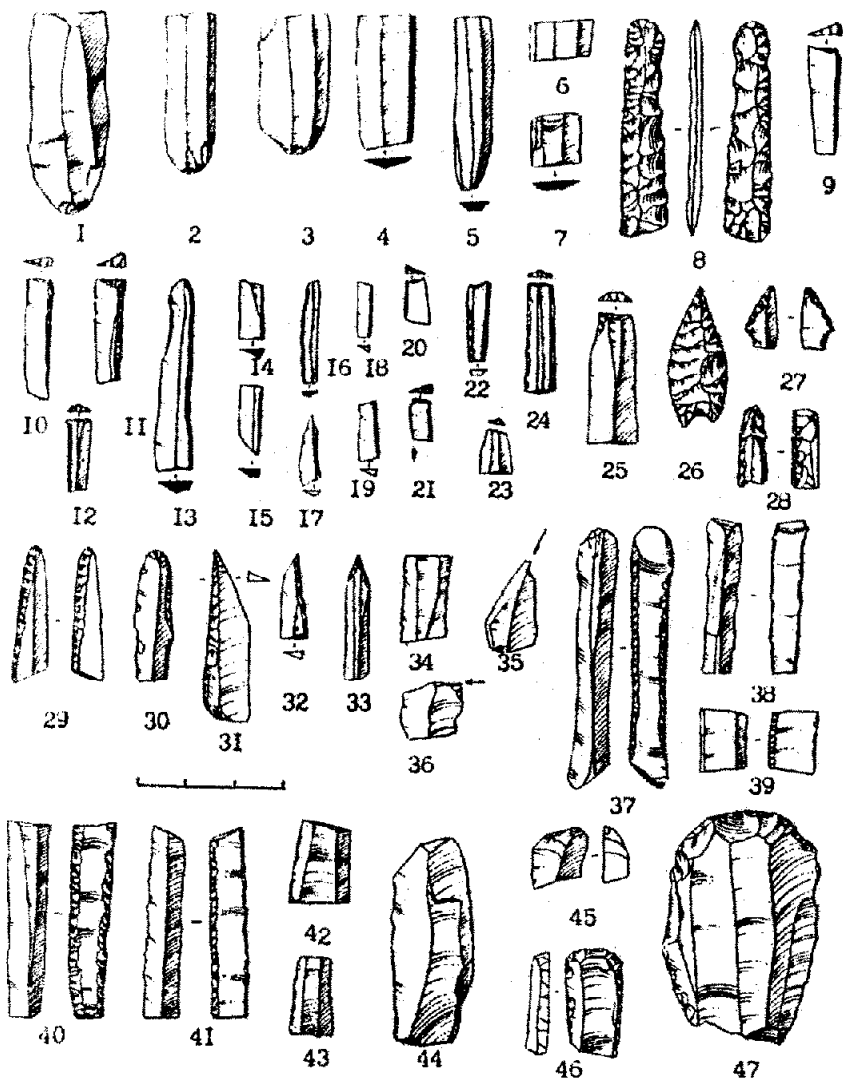

Рис.2.Каменный инвентарь с пос. Кривое I: вкладыши
 мясных ножей (1-8), метательного оружия (9-24); скобели (37-39);
 скребки (40-47); пилка по раковине (34); резчики (35-36);
 сверла для раковин (31-33), для кости (28-29); развертка (30)

того, обнаружено 6 муклеусов двух типов: I односторонний плоскостной и 5 торцовых клиновидных.

Трасологически проанализировано 379 предметов, выделено 13 функциональных типов. Наибольшую группу составляют вкладыши мясных ножей — 55,4 % (рис.2 — I-8). На втором месте по количеству стоят вкладыши метательного оружия — 13,7 %. В коллекции 6,4 % боковых скребков (рис.2 — 40-44). С обработкой дерева связано 14,7 % орудий: скобели, развертки и сверла, строгальные ножи, резцы и резчики, причем последние составляют наибольшее количество. Меньше встречено орудий для обработки кости. Это скобели и сверла. Следует обратить внимание на одно из сверл (рис.2 — 28). По форме оно напоминает довольно крупный и округлый в сечении стержень со специфическими функциональными признаками: всесторонняя слоистая выкрошенность, затертость граней. Это вкладыш лучкового сверла, распространенного в быту древних народов в эпоху неолита /6/. Имеется на памятнике небольшое количество орудий для работы по камню и раковинам. При сравнении количественного состава орудийного набора с поселений Кривое I и Павловка I наблюдается большое сходство всех основных, характерных и большинства второстепенных типов. Это свидетельствует не только об одном типе хозяйства и приемах производства, но и о единой культурной принадлежности. Но при сходстве инвентаря следует указать отличия данных коллекций, характеризующие хронологические особенности. На Кривом I заметно преобладание длинных пластин, широких сечений и меньше, чем на Павловке, мелких форм. Менее разнообразна типология изделий, нет геометрических микролитов, более совершенны и выражены вкладыши с притупленной спинкой. Следует отметить тип вкладышей с притупленным краем и торцом, прилегающим к нему либо под прямым, либо под тупым углом (рис.2 — 9-12). На Кривом I больше, чем на Павловке I, концевых скребков. Они выразительнее и массивнее (рис.2 — 45-47). Интересны находки серженька составного рыболовного крючка и наконечников стрел (рис.2 — 26).

Определенным образом датирует коллекцию атипичный кельтеминарский наконечник (рис.2 — 27). От обычных наконечников этого типа он отличается более мелкими размерами и подработкой острия не частичной встречной, а мелкой краевой ретушью, занимающей половину одного края и весь другой вплоть до выемки.

Двусторонне обработанные наконечники стрел могут относиться как к неолиту, так и к раннему металлу, хорошо представленному керамикой. Два наконечника украшены узкими фасетками встречной ретуши, края их мелкозубчатые. Такое оформление характерно для эпохи развитой бронзы. Основную часть коллекции можно датировать неолитом.

Г у л ь б и щ е. Поселение, расположенное на озере Горькое-Перешеечное, аналогично предыдущим и по сырью, и по характеру индустрии. Общее количество пластин — 384, из них: обработано — 126 экз. 67,2 % — без обработки. Отщепов примерно столько же, из них 151 оружие.

Попытаемся охарактеризовать индустрию данного памятника через сопоставление с предыдущими коллекциями для уточнения хронологии и культуры. В отличие от Павловки и Кривого на пластинках преобладает мелкая, частичная ретушь, нанесенная со стороны спинки (46 %). Встречаются экземпляры с подработанными приостраивающей ретушью краями. А, как известно, в позднем неолите и раннем металле увеличивается тенденция подработки выходящей /7, с.16,39/. Как и на Кривом I, на Гульбище нет разнообразия типов изделий, нет геометрических микролитов, меньше, чем на Павловке I, резцов и резчиков (12,7 %), хотя они представляют, как и на этих двух памятниках, устойчивый характерный тип (рис. I — 33-34). Особенностью материала Гульбища является большое количество острий и концевых скребков, вогнуто-вогнутых изделий и самое малое из исследованных индустрий количество пластин с притупленным краем (рис. I — 30-32). Последнее, скорее всего, свидетельствует об отживании этого элемента: притупливание становится бессистемным, чаще напоминающим обыкновенную затупливающую ретушь. Имеются орудия на отщепах с подшлифовкой и большое количество двусторонне обработанных наконечников стрел на отщепах (рис. I — 50-52). Другим является наконечник стрелы, напоминающий по форме асимметричные. Он изготовлен из пластины путем подработки тонкой встречной приостраивающей ретушью, характерной для остальных двусторонне ретушированных наконечников стрел (рис. I — 53). Наконечники скребков также утратили архаичность и стали более близки скребкам на отщепах. Они выполнены на сечениях пластин средних и крупных размеров, поэтому имеют укороченные пропорции (рис. I — 44-49). Очень любопытны находки обломков оснований

костяных изделий. Они круглые в сечении, на одном - поперечные желобки, на другом - резной орнамент в виде узких длинных треугольников (рис. I - 54).

Из коллекции Гульбица трасологически обследовано небольшое количество артефактов (менее 100), поэтому сравнивать их статистически невозможно. Но проанализированные экземпляры вкладывают свидетельствуют о большом сходстве в хозяйственном отношении с рассмотренными памятниками. Здесь также имеются вкладыши металлических ножей (рис. I - 24-26), метательного оружия (рис. I - 27-29), орудий, связанных с коленными промыслами. Набор вкладных беднее. Вкладыши с притупленной спинкой единичны, некоторые невыразительны. Скрепки в основном на отщепах и пластинах, концевые укороченного типа (рис. I - 45-47). Сохраняется и остальной набор орудий для обработки дерева и кости: скобелы, резны и резчики. Большое количество микровыемчатых скобелей по кости и дереву, сверла по камню (рис. I - 41, 43). Скорее всего это связано с увеличением их роли в технике обработки камня. Большое количество сверл по камню наблюдается на более поздних памятниках, в частности, при анализе каменных индустрий памятников на оз. Иткуль Зонального района Алтайского края. Широкое применение камнеобрабатывающих орудий можно сопоставить с распространением в позднем неолите стерженьков составных рыболовных крючков, осалков для подшлифовки предметов, различного вида украшений. Указанные особенности памятника позволяют датировать его неолитом. Он, несомненно, моложе Кривого I (табл. I).

Таблица I

Соотношение показательных типов каменной индустрии

Памятник	Типы изделий						
	пластины с				резцы	острия	концевые скрепки
	концевой об-работк.	притупленным краем	обработанный спинкой	выемчатым камин			
Павловка I							
Кривое I							
Гульбице							

 менее 5 %
  более 5 %, но менее 10 %
  более 15 %
  более 20 %

Предварительное сравнение показало, что по составу некоторых типов изделий имеется культурное сходство памятников (табл.2). Так, совпадают основные типы: размеры пластин, виды ретуши, способы ее нанесения. В общем сходны и характерные изделия: пластины с концевой подправкой и резцы. Различия наблюдаются в количественном и видовом составе вкладышей с притупленной спинкой и концевых скребков. Это свидетельствует о культурном единстве, но хронологических различиях. Функциональная статистика Павловым и Кривого показала однородность в культурном и хозяйственном планах. Судя по единичным находкам, было место кельтеминарское влияние, дошедшее до Алтая в преобразованном виде. Это говорит не о миграционных процессах, а, скорее всего, о взаимовлиянии. Так, на Павловке I, самом раннем памятнике, кельтеминарских наконечников нет. В Средней Азии они появляются в неолите, в 6-м тыс. до н.э., и исчезают в конце 3-го тыс. до н.э. Как показывают достаточно хорошо датированные поселения на Андреевском озере и находки на ряде других более северных памятников, кельтеминарские наконечники бытуют до конца 3-го, во 2 тыс. до н.э. В связи с этим и материалы с Кривого и Гульбича стоит датировать 4 - второй половиной 3-го тыс. до н.э.

Подведем итоги изложенному. В лесостепной юго-западной части Алтайского края в эпоху мезолита-раннего неолита наблюдается расцвет микролитической вкладышовой индустрии, сложившейся под влиянием с юго-запада (Казахстан) и на основе местных традиций. К местным архайским элементам относятся крупные формы орудий - скребла, рубящие орудия, долота, резцы и скребки, ядро выраженные на Павловке I. К казахстанским, пришедшим извне следует отнести геометрические микролиты, пластины со скошенным концом, некоторые острия, варианты вкладышей с притупленной спинкой и т.п. В этот период появляются боковые скребки на пластинках.

В неолитическое время происходят некоторые изменения в технике обработки камня. Падает роль старой мезолитической техники. Исчезают пластины со скошенными краями и концами. Перестает развиваться (Кривое I), пластины с притупленной спинкой в позднем неолите Гульбича становятся менее распространенными. Теряет разнообразие техника подработки вкладышей

Таблица 2

ТИПИСТ СОСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ИНДУСТРИИ

Техника распределения. Вторичная обработка	Кривое			Гульбище			Тип изделия			Кривое			Гульбище		
	к-во	%	3	к-во	%	4	5	6	7	8	9	10			
I	2		3	4	5		6								

П л а с т и н ы

средние	99	26		91	23,7		Острая		13	7	18	14
мелкие	106	27		154	40		острия с приглушенным краем		4		1	
крупные	7	1		13	3		острия скошенные		1		1	
сечения	150	37		124	32		Пластинки с обработкой на углу		3		2	
пластинчатые отщепы	40	10		2			Резцы и резчики		23	13	16	13
Р е т у ш ь затупляющаяся												
- по I краю с бородка	7	4		5	4		Концевые срезаки		7	4	14	11
- по I краю со спинки	4	2		21	17		Геометрические микроалты I?					
- по 2 краям с бородка	17	10		4	3		Пластинки с выемками		10	6	9	7
и со спинки	14	8		6	6		и выгнутым краем				5	
- с 2-х сторон	6	3		4	3		Стрелы		1			

Результаты пристрелки											
	1	2	3	4	5						
- по 1 краю с брешка	14	8	10	8		Общее количество пластин	403	100	304	100	
- по 1 краю со спинки	4	2	10	8		- обработанные	179	44	125	33	
- по 2 краям с брешка	3	2	7	5							
- по 2 краям со спинки	3	2	4	3		- с брешка	53	30	41	33	
Обработка по 1 концу	21	12	23	18		- со спинки	21	12	22	18	
- скошен	4	1	1			с обработанным концом					
- вогнут	1										
- прямой	7		10			Общее количество отщепов обработанных	100	100	179	100	
- выпуклый	3										
Отщепы						Сверла	2				
мелкие	370		200			Долота	2		1		
средние	5		4			Основание крачка	1		1		
крупные						Наконечники стрел	3		23	13	
						- треугольной формы	2		11		
						- листовидные	1		5		

Сокращение таблицы 2

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Нужные 8									
						52	52	91	50
Скребок						6	6	19	11
- микрокребок						1	1	6	3
- удлиненной формы									
концевые на усеченных						3		18	
пластинчатых отщепях						15	18	7	
концевые на отщепях						1	1	3	2
скребок сегментовидные						8	8	7	4
округлые, обработанные									
по периметру						2	2	14	8
- обработанные по 1/2						12	12	13	7
периметра									
неправильных форм						7	7	9	5
Скобели									
Резцы						3	3	3	2
Отщепы с обработкой						7	27	29	16

оружия. Так, полностью исчезают элементы гарпунообразных охотничьих инструментов — "рогатые" вкладыши. Совершенствуются техники шлифования и сверления. Увеличивается количество скребков-стругов.

В целом же, исходя из данных трасологического анализа индустрии, несмотря на совершенствование орудий производства, глубоких изменений в хозяйстве не происходит. В неолитическое время оно остается присваивающим охотничье-рыболовческим.

Автор приносит большую благодарность д.и.н., зав. лабораторией первобытной техники ДО ИА АН СССР Г.Ф.Коробковой за помощь в трасологических исследованиях индустрий.

ЛИТЕРАТУРА

1. К и р ю ш и н Д.Ф., К л ю к и н Г.А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла.— Барнаул, 1985.— С.71-117.

2. М а л о л е т к о А.М. Палеогеография предальтайской части Западной Сибири в мезозое и кайнозое.— Томск, 1972.— С.181-182.

3. В и н о г р а д о в А.В. Древние охотники и рыболовы среднеазиатского междуречья.— М., 1981.— 178 с.

4. З а й б е р т В.Ф. Неолит Северного Казахстана: Автореф. дис... канд.ист.наук.— М., 1979.— С.70-73.

5. К и р ю ш и н Д.Ф., К у н г у р о в а Н.Д. О результатах изучения каменной индустрии поселения Павловка I // Археология и этнография Западной Сибири.— Барнаул, 1984.— С.25-39.

6. С е м е н о в С.А. О каменных сверлах // МИА.— № 39.— 1953.— С.335-367.

7. М о л о д ц и н В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обьиртышья.— Новосибирск, 1977.— 173 с.

ПОСЕЛЕНИЕ КОМАРОВО-І -

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА

Поселение Комарово-І находится в 2 км к СЗ от с.Комарово Зонального района Алтайского края, на правом берегу р.Иткуль. Иткуль относится к системе верхнего течения Оби и протекает из оз.Малый Иткуль вдоль кромки Боровлянского бора. Поселение располагается на небольшом мысу, в центре которого находится небольшая возвышенность, вероятно, древний передув (рис.І-3). Юго-западная часть мыса была разрушена при строительстве дороги, благодаря чему и было открыто поселение Комарово-І /І, с.206/. В 1983-1984 гг. автор статьи начал работы у с.Комарово: были открыты 5 новых памятников и на поселении Комарово-І заложены 3 раскопа (2 разведочных и основной - площадью 116 кв.м) /2, с.189; 3, с.165/. Раскопки велись сплошной площадью по квадратам 2х2 м с оставлением бровок через 4 м. Выборка культурного слоя производилась вертикальными и горизонтальными слоями по 25-30 см, а ям, могил и жилищ - по 5-10 см. Фиксация культурных остатков велась сразу после их находки.

Раскопки показали, что мощность культурного слоя не превышает 0,7 м, причем основные находки приходились на слой светло-серой супеси (глубина 0,2-0,5 м). Во многих местах культурный слой был нарушен ямами (всего 14). Кроме того, зафиксированы котлованы двух построек, скорее всего жилищ (рис.І - І,2).

Ж и л и щ е І. Прослежено в северо-восточной части раскопа на глубине 0,6-0,65 м. Заполнение отличалось от культурного слоя и материала более плотным составом и серым цветом. Форма жилища, неправильная в плане, вытянута с ЮВВ на СЗЗ. Максимальные размеры составляли 6,0х4,6 м, площадь - около 18 кв.м. Выход, скорее всего, находился в северо-западной части жилища. Три ямы (№ 6,7,9) нарушали жилище в верхней части. Еще одна яма (№ 8), видимо кратковременный очаг, находилась в северной части жилища и зафиксирована в средней части его заполнения. Находок в жилище очень мало. В основном это обожженные обломки камня. Найдены также несколько фрагментов керамики, отщепы, пластины, в том числе резчик, острие и концевой скребок,

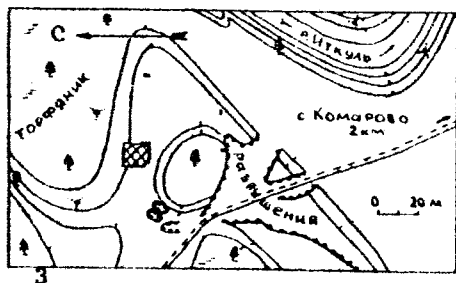
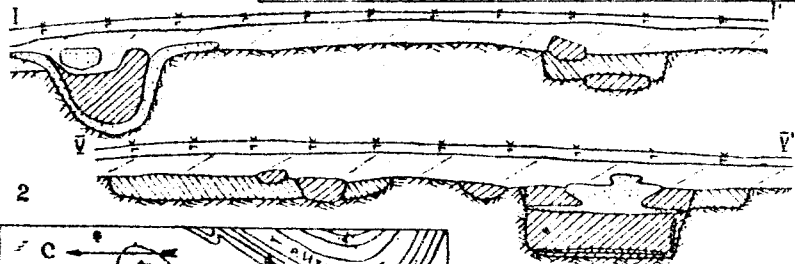
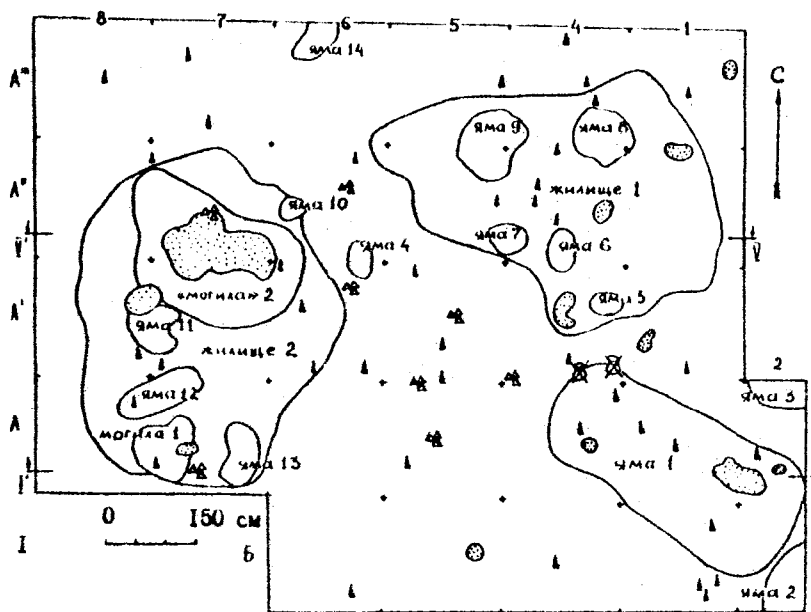

Рис. I. План (I), разрезы раскопа (2), схема расположения (3) поселения Комарово I

- ✱ - скопление керамики ;
- ✱ - развал сосуда ;
- ▲ - каменное срудие ;
- - кострище ;
- ▣ - раскопы ;
- ▨ - материк ;
- ✕ - дерн

- культурный слой ;
- заполнение жилищ ;
- заполнение ям ;

2 скребка на отщепах, абразив (рис.2-13; 5-6,7,14). Глубина жилища от материка составила 0,35-0,4 м.

Ж и л и щ е 2. Прослежено в западной части раскопа в 2 м к Ю от жилища 1. Форма подпрямоугольная, вытянуто с ССЗ на ЮВ. Максимальные размеры составили 5,0х4,5 м, площадь около 20 кв.м. Выход, видимо, находился в северной части жилища. 4 ямы (№ 10-13) нарушали жилище в верхней части, а "могила" 2 прорезала его. Над южной частью жилища, рядом с ямой 13 было обнаружено скопление керамики. Ниже, у дна, находилась небольшая яма с костями человека: половина разрубленного черепа, нижняя челюсть, обломки ребер и длинных костей, окрашенные охрой (могила 1). Находок во втором жилище несколько больше, чем в первом. Были найдены обломки жженого камня, фрагменты керамики, отщепы, пластины, в том числе резчик и пластина с притупленной спинкой, нуклеус, наконечник стрелы и обломок другого, абразив, скобель, 3 скребка, 6 долот и их обломков (рис.4-13,15,16; 5-11,27). Глубина жилища от материка составила 0,45-0,5 м. Остатки каких-либо конструкций в жилищах не зафиксированы. Предварительная датировка жилищ - поздний неолит-энеолит.

Как уже было отмечено выше, на поселении зафиксированы 14 ям, часть из которых прорезала или задевала жилища. Кроме последних, яма 5 была прослежена над жилищем 1, яма 4 между жилищами, яма 14 - севернее них. Ямы 1,2,3 находились южнее жилища 1. В заполнении ям встречались, как правило, обломки камня, иногда фрагменты керамики, отщепы, пластины, небольшие угольки. Помимо ям зафиксированы небольшие кострища, представлявшие собой ямы с гумусированным заполнением и угольными вмясками. В межжилищном пространстве найдены также несколько скоплений керамики. Мы остановимся на описании двух наиболее интересных ям: ямы 1 и "могилы" 2.

Я м а 1. Зафиксирована в юго-восточной части раскопа на глубине 0,4-0,5 м. Заполнение ее близко заполнению жилищ, но по периметру прослеживалась полоса гумусированной земли с угольными вмясками. Форма ямы подпрямоугольная и вытянута с ЮВ на СЗ. Размеры ее достигали 4,6х2,2 м, глубина от древней поверхности - 1,5 м. В заполнении встречались обломки камня, пластины, отщепы и фрагменты керамики. Кроме того, найдены обломки двух вкладышей, шлифованного ножа, двух долот (рис.4-14; 5-33). У северного края ямы были обнаружены развалы двух сосудов (рис.2-2,3).

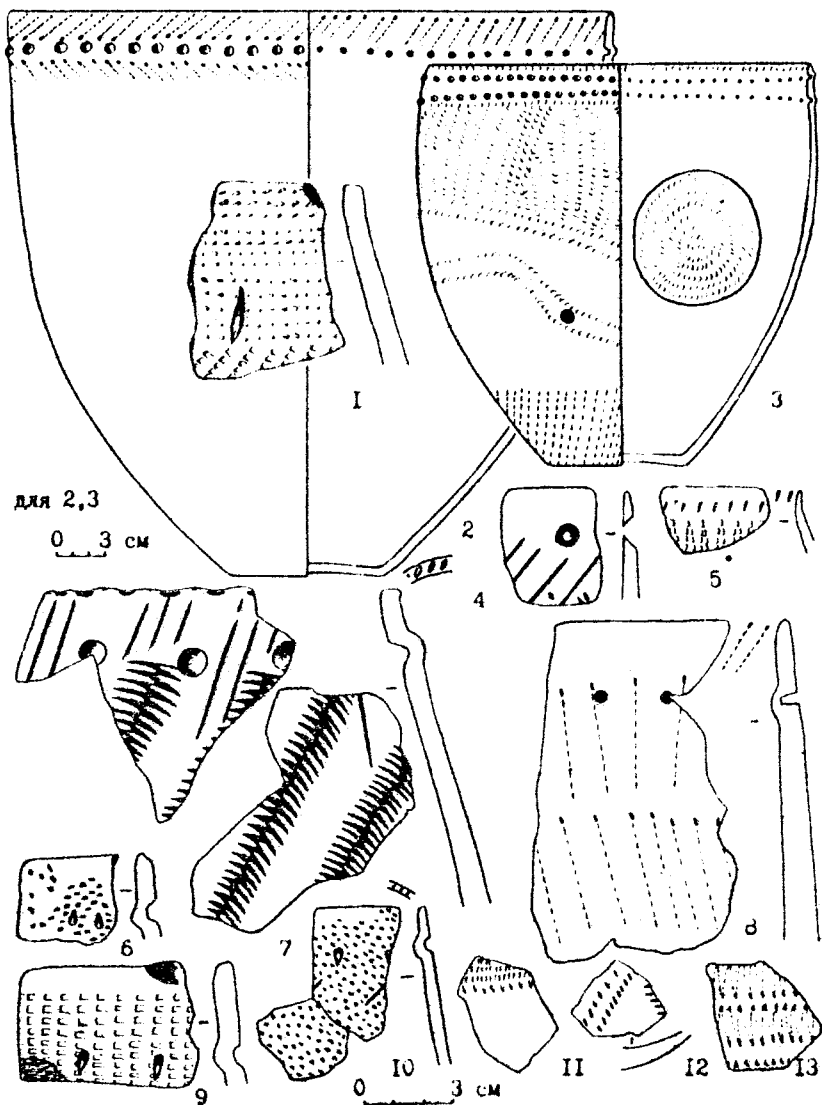

Рис.2. Керамика из культурного слоя (1-7), жилищ I (13) и 2 (10-12), "могилы" 2 (8-10)

"М о г и л а" 2. Прослежена над северной частью жилища 2 на глубине 0,5-0,6 м. Первоначально представляла собой аморфное пятно прокаленной почвы, в центре которого находилось кострище, в котором и рядом с ним найдено скопление керамики (рис.2-8). На глубине 1,05 м провал и кострище исчезли, и яма приобрела четкую прямоугольную форму с ориентацией СЗЗ-ЮВВ. Размеры ямы составили 2,5х1,4 м, глубина от древней поверхности - 1,2 м. Было прослежено, что перекрытие "могилы" 2 сгорело, как и опорные столбы, зафиксированные по ее периметру. Слой пережженной земли фиксировался у дна "могилы". В этом слое, а также на самом дне "могилы" находились сильно пережженные кости крупного животного. У южной стенки был прослежен неглубокий ровик. В заполнении могилы на различных глубинах попадались обломки камней, пластины, отщепы и фрагменты керамики (рис.2-9,10). Найдены также абразив, долото и тесло. Яма 1 и "могила" 2 близки, видимо, ямам, зафиксированным при раскопках у с.Ирба /4, с.9//. Датируются они, вероятно, раннебронзовым временем.

Коллекция, полученная при раскопках поселения Комарово-1, состоит из более чем 500 фрагментов керамики и 1500 каменных предметов, а также 2 почти целых сосудов. К сожалению, вследствие большой влажности на поселении почти не сохранились кости животных. Керамический комплекс неодновременен и относится к различным культурным отрезкам древней истории Алтая. За исключением небольшой коллекции керамики эпохи железа (около 40 фрагментов), все они описаны ниже. Нами выделено 5 групп керамики, главным образом по форме и орнаментации сосудов.

В первую группу (рис.2-2,3; 3-1) входят 2 целых сосуда, найденные у ямы 1, и 8 фрагментов керамики из культурного слоя, всего минимум 5 сосудов. Один из сосудов украшен по венчику двумя рядами жемчужин и оттисками ногтя. По тулову оттиски ногтя обрезают косо поставленные линии и нечто вроде волны. Придонная часть украшена отпечатками длинного гребенчатого штампа. Оттиски ногтя украшают также обратную сторону венчика и днище. Оба сосуда имеют горшковидную форму с открытым устьем и небольшим вдавлением на плоском днище. У второго сосуда украшен только венчик: оттиски гребенчатого штампа в елочку, разделенные рядом жемчужин. Гребенкой украшена и обратная сторона венчика, вся оставшаяся поверхность имеет следы заглаженности. Другие

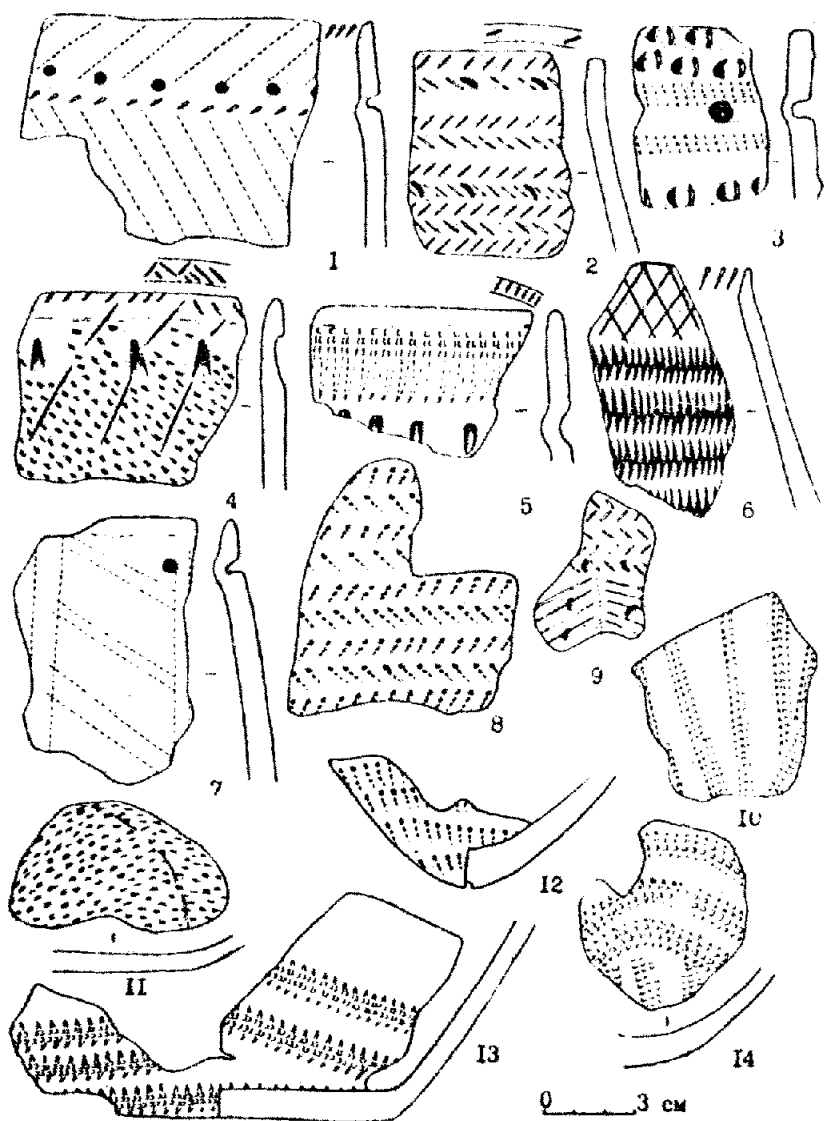

Рис.3. Керамика из культурного слоя

фрагменты керамики украшены подобным же образом. От остальной керамики первая группа отличается, помимо перечисленных выше признаков, строгим разделением орнамента на зоны (венчик, верх тулова, придонная часть). Первая группа близка крохалевскому типу. Поскольку этой теме была посвящена специальная статья /5, с.117-119/, останавливаться на данном типе подробно не будем. Датируется вторая группа керамики в пределах первой половины, может быть, первой трети 2-го тыс. до н.э.

Во вторую группу керамики (рис.2-1,9; 3-3,5,13) входят 73 фрагмента не менее чем от 5 сосудов. Сосуды этой группы украшены оттисками отступающей гребенки и крупнозубой гребенчатой качалки. Придонная часть одного из них заполнена орнаментом не полностью, что, возможно, отличает первую и вторую группы. По венчику сосудов второй группы имеются удлиненные вдавления, зацепы, в одном случае - в сочетании с ямками. По срезу одного из венчиков - насечки. Форма сосудов близка крохалевским. По всем признакам вторая группа соответствует керамике елунинской культуры /6, рис.1,7; 5-1; 8/. Датируется елунинская культура в пределах XIII-XV(XIV) вв. до н.э. /8, с.18/. Видимо, хронологические рамки елунинской культуры и крохалевского типа в целом совпадают, а вопрос об их соотношении пока можно считать открытым.

Третья группа (рис.2-5,11,13; 3-10,14). В нее входят 80 фрагментов как минимум от 7 сосудов. Все они орнаментированы от дна до венчика рядами гребенчатой и, реже, гладкой качалки и движущейся гребенки. Выделяется лишь венчик, орнаментированный резными линиями и "сеткой", небольшими удлиненными вдавлениями. У некоторых сосудов на обратной стороне венчика - насечки. Форма их, видимо, была репо- или яйцевидной, дна острые и круглые. Керамику третьей отличает от остальной также хорошее качество изготовления и, как правило, тонкие стенки. Она соответствует керамике большемисской культуры, датируемой 2-й половиной III-рубеком III-II тыс. до н.э. /8, с.16/. Полных аналогий за пределами Алтая большемисская керамика не имеет. Однако такие виды орнамента, как, например, гладкая качалка и отступающая гребенка в кельтеминарской культуре появляются только на последнем этапе, т.е. во 2-й половине III-начале II тыс. до н.э. /9, рис.21,56, с.143-144/. Характерен орнамент в виде гребенчатой и гладкой качалки и для второго этапа афанасьевской культуры, датируемого 2-й

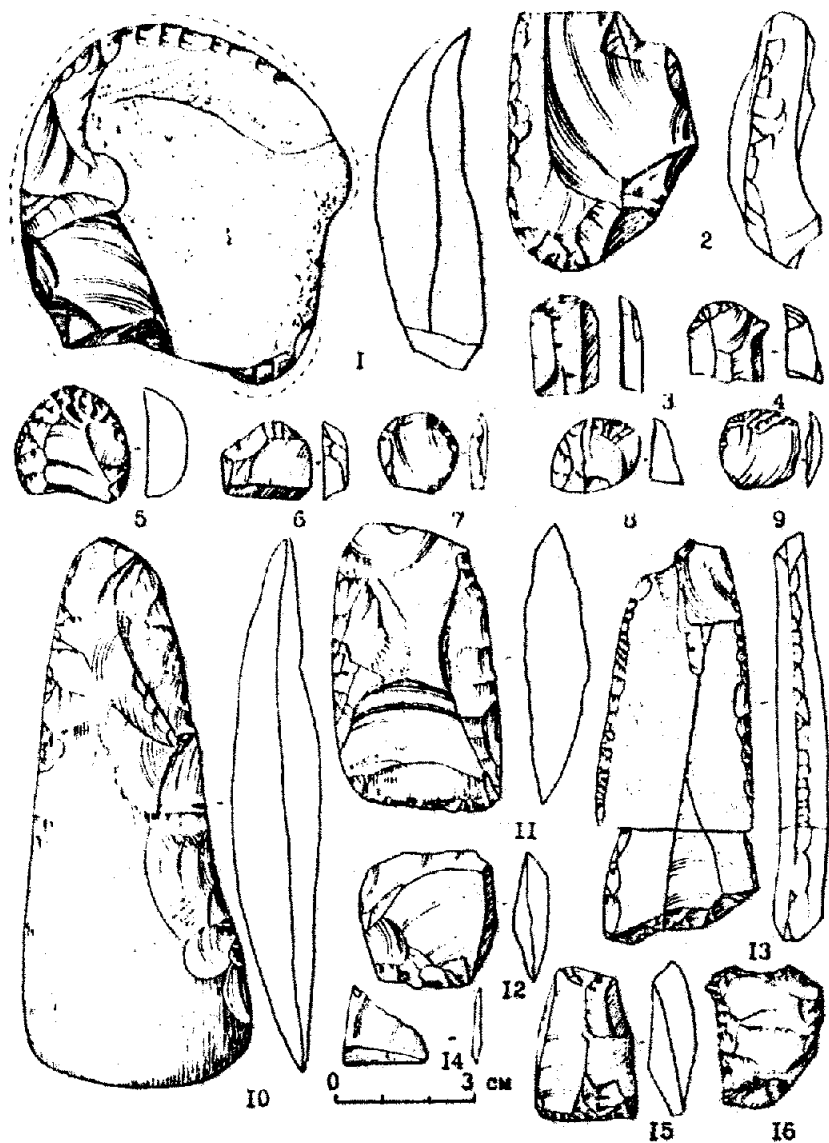

Рис. 4. Каменные изделия из культурного слоя (1-12), жилища 2 (13, 15, 16) и ямы I (14)

половиной 3-го тыс. до н.э. или 2 четвертью 3-го-1 четвертью 2-го тыс. до н.э. /10, рис. I, с. 48; II, с. 18/.

В четвертую группу (рис. 2-4, 8, 12; 3-2, 7, 8, 9, 12) включены 136 фрагментов не менее чем от 12 сосудов. Как и большинство, сосуды этой группы украшены от дна до венчика, близкие такие формы сосудов и дна. Но керамика четвертой группы, во-первых, более толстостенная, тесто ее более рыхлое, во-вторых, она по-прежнему орнаментирована. Основными видами орнаментации являются печатная гребенка и насечки, образующие горизонтальные полосы и елочку, вертикальные полосы, перемежающиеся с косо поставленными оттисками. На двух сосудах горизонтальные полосы разделены небольшими ямками и заключены из оттисков гребенки. Резные линии в вертикальную елочку украшают дна еще одного сосуда. Часть венчиков украшена насечками по срезу или обратной стороне. В одном случае имеется ребро в средней части тулова, в двух - вдавления на самом остром дне. Данная группа керамики близка ирбинскому типу /4, рис. 41; 12, табл. XVII, XVIII/, который датируется 2 половиной III-1 четвертью 2-го тыс. до н.э. /8, с. 19, 20/, или концом 3-го - началом 2-го тыс. до н.э. /12, с. 43/. В данном случае следует оговориться, что такое омоложение ирбинского типа связано в первую очередь с включением в него памятника Ордынское-16 и ему подобных. Если их исключить, ирбинские материалы выглядят довольно архаично: посуда остро- и круглодонная, большое количество каменных изделий, в том числе пластин /4, с. 97-98/. Ирбинская керамика находит многочисленные аналогии в неолитических и энеолитических памятниках соседних территорий: байрыкских /13, рис. 3-6/, позднэнеолитических и шакульских Зауралья /14, табл. XX-XXII, XXXI/, поселения Ботай /15, рис. 2, 3/. Байрыкские памятники датируются 2-й половиной 3-го тыс. до н.э., позднэнеолитические Зауралья - 1-й половиной 3-го тыс. до н.э., шакульская культура - 2-й половиной 3-го тыс. до н.э., поселение Ботай - в рамках 4-3-го тыс. до н.э. /13, с. 27; 14, с. 198; 15, с. 89/. На наш взгляд, четвертую группу керамики следует датировать в рамках 3-го тыс. до н.э., скорее всего, не позднее его середины.

В пятую группу (рис. 2-6, 7, 10; 3-4, 11) включается 178 фрагментов минимум от 10 сосудов. Сосуды этой группы от дна до венчика "забиты" орнаментом. Частично это, видимо, отпечатки обмо-

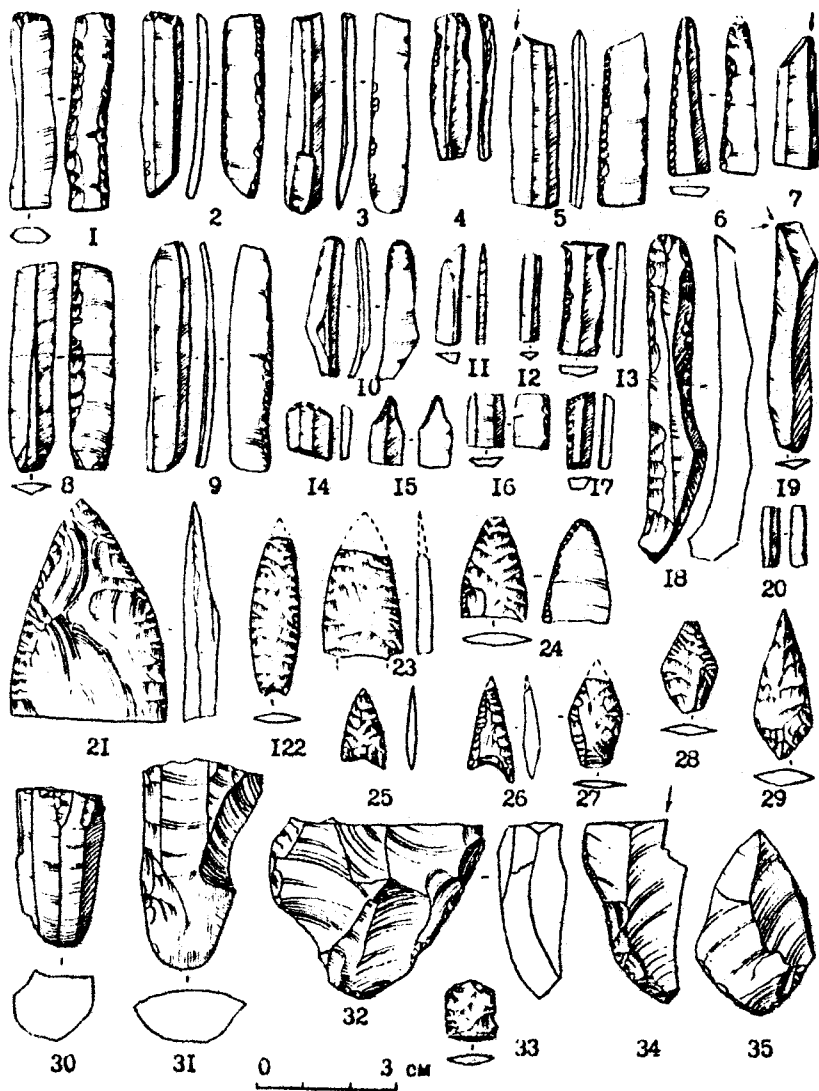

Рис. 5. Каменные изделия из культурного слоя (1-5, 8-10, 12, 13, 15-26, 28-32, 34, 35), жильца I (5, 7, 14) и II (II, 27), ядро I (33)

танной шнуром палочки, частично - нечеткие оттиски гребенчатого штампа. Такая орнаментация имеет в литературе название "ложного текстиля". Собственно орнамент, не считая "ложного текстиля", нанесен только на венчиках. Это овальные и прямоугольные глубокие вдавления, жемчужины, прочерченные линии, оттиски гладкой и гребенчатой качалки, по срезу - насечки. Такое разнообразие орнаментации сосудов по венчику, а также находки трех различных днщ - круглого, плоского и уплощенного - свидетельствуют, скорее всего, о одновременности ложнотекстильной керамики. По крайней мере часть ее относится к эпохе энеолита, другая - к ранней бронзе. Однако пока невозможно соотнести каждый фрагмент с конкретной культурой. Ложнотекстильная керамика на Верхней Оби была распространена на различных этапах: кипринском, ирбинском, крохалевском, т.е. в период со 2-й трети 3-го тыс. до н.э. до середины 2-го тыс. до н.э. /12, с.21,24,38,43,70,74/. На Иртыше такая керамика распространена в эпоху ранней бронзы /16, с.14-20/. Энеолит и ранняя бронза являются основными временем существования ложнотекстильной керамики.

Коллекция каменных предметов более многочисленна по сравнению с керамикой. Преобладают отщепы и орудия на них. Пластинчатая индустрия довольно многочисленна, но не превышает 20 %. Такое положение в целом соответствует картине развития каменной индустрии Верхнего Приобья в эпоху неолита-энеолита /12, с.16, 23,40,46/. Преобладают мелкие отщепы и пластины. Обработке свойственна приотстригающая ретушь, что зафиксировано также и в индустрии поселения Усть-Нарым. Сходен с Усть-Нарымом и общий состав и категории орудий / 17, с.150-170/. В отличие от Усть-Нарыма довольно много изделий с подшлифовкой. Для изделий на пластинах характерна также и притупляющая ретушь.

Среди орудий на отщепах значительную группу представляют скребки (рис.4-1-9,13), отщепы с выемками и вогнутым рабочим краем (скобели) (рис.4-16), рубящие орудия (рис.4-10-12,15) и резцы (рис.5-34). Рубящие орудия подразделяются на тесла с подшлифовкой и долота (29 экз.) типа *pieces ecaillées*. Последние особенно характерны для эпохи палеолита, но известны и в более поздних памятниках /14, с.90/. Среди скребков, помимо других типов (боковые, подтреугольные и др.), преобладают концевые скребки на удлинённых отщепах (всего 18 экз.) Следует также отметить

аку характерную вещь, как обломок шлифованного ножа (рис.4-14). Среди наконечников стрел имеются разнообразные формы: ромбовидные, треугольные, листовидные и др. (рис.5-22-28), но ни одна из них не преобладает. Нет преобладающих форм и среди нуклеусов.

Из орудий на пластинах довольно много изделий с притупленной спинкой (рис.5-1,2,5). Не менее интересны двусторонне обработанные вкладыши (рис.5-33), пластины со скошенным концом (рис.5-17) и с выделенной "головкой" (рис.5-4,13). Все описанные выше орудия имеют, как правило, широкие хронологические рамки. Так, шлифованные ножи в Верхнем Приобье датируются с конца 4-го до начала 2-го тыс. до н.э. /12, с.13,18,22,24,38/, в Приуралье - со второй половины 4-го до конца 3-го тыс. до н.э. /14, табл. XXXIII-5, XXVI-7, XIX-9,10, с.98/. Пластины с выделенной "головкой", скошенным концом и притупленной спинкой распространены с 6-го до конца 3-го тыс. до н.э. /9, с.43,54,56,57; 18, с.216, 218,221; 19, с.29,76/. В Прииртышье и Зауралье они продолжают существовать до первой половины 2-го тыс. до н.э. /14, с.88,162, 198; 20, с.168-170,177,181/. Однако некоторые черты каменной индустрии (преобладание изделий на отщепах, процентный состав типов изделий и т.д.) позволяют нам сузить датировку до 3-го тыс. до н.э. (вероятно, не позднее его середины) и соотнести ее прежде всего с керамикой ирбинского типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. К у н г у р о в А.Д., К у н г у р о в а Н.Ю. Разведка на востоке Алтая // АО 1981 г.- М., 1983.- С.206-207.
2. А б д у л г а н е е в М.Т. Работы в Горном и лесостепном Алтае // АО 1983 г.- М., 1985.- С.189.
3. А б д у л г а н е е в М.Т. Разведка на Алтае // АО 1984 г.- М., 1986.- С.165.
4. К о м а р о в а М.Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК.- Вып.64.- 1956.- С.93-103.
5. А б д у л г а н е е в М.Т. Керамика эпохи ранней бронзы с.Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла.- Барнаул, 1965.- С.117-129.
6. К и р и ш и н Ю.Ф. О культурной принадлежности памятников предандроновской бронзы лесостепного Алтая // Урало-Алтайстика. Археология. Этнография. Язык.- Новосибирск, 1985.- С.72-77.

7. Бородаев В.Б., Кунгуров А.Л. Новые материалы к археологической карте Барнаульского Приобья // Древняя история Алтая.- Барнаул, 1980.- С.73-92.

8. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис... докт.ист.наук. - Новосибирск, 1986.- 35 с.

9. Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма.- М., 1968.- 180 с.

10. Цыб С.В. Ранняя группа афанасьевских памятников и вопрос о происхождении афанасьевской культуры // Древняя история Алтая.- Барнаул, 1980.- С.38-51.

11. Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая: Автореф. дис... канд.ист.наук.- Новосибирск, 1984.- 19 с.

12. Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья.- Новосибирск, 1977.- 174 с.

13. Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы.- Новосибирск, 1985.- 200 с.

14. Стархов В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья.- М., 1980.- 220 с.

15. Забберт В.Ф., Мартинюк О.Н. Керамические комплексы энеолитического поселения Ботай (Неолит и бронза на территории СССР) // КСИА.- Вып.177.- 1984.- С.81-90.

16. Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С. Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири.- Томск, 1970.- С.12-51.

17. Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии // МИА.- Вып.158.- 1969.- 216 с.

18. Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Дявлякан.- М., 1975.- 288 с.

19. Массон В.М. Поселение Джайтун // МИА.- Вып.180.- 1971.- 208 с.

20. Чалая Л.А. Озерные стоянки Павлодарской области. Пеньки I,2 // Поиски и раскопки в Казахстане.- Алма-Ата, 1972.- С.161-181.

ТИПИСТ СОСТАВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ИНДУСТРИИ ПОСЕЛЕНИЯ КОМАРОВО-I

I Техника расщепления		III Изделия на отщепах	
1. Отщепы и сколы	1347	1. Скребки и скребла	49
мелкие	1206	2. Рубящие орудия	34
средние	104	3. Отщепы с выемками и выгнутым рабочим краем	26
крупные	37	4. Резцы	20
2. Пластины	149	5. Острия	8
мелкие	86	6. Наконечники стрел и их обломки	9
средние	40	7. Обломки орудий	5
крупные	19	8. Абразкы	11
сечения	4	9. Ретушеры и отбойники	6
3. Нуклеусы и нуклеидные сколы	8	10. Оббитые гальки и обломки	13
II Обработка		11. Двусторонне обработанные сколы	5
1. Общее количество обра- ботанных отщепов	320	12. Невыраженные тилы орудий	112
в том числе с подшли- фовкой	33	IV Изделия на пластинах	
2. Общее количество обра- ботанных пласти	79	1. Концевые скребки	1
3. Пластины с прикострающей ретушью	44	2. Резчики	2
со стороны бро- шка	35	3. Острия	6
спинки	12	4. Двусторонне обработанные вкладыши	2
с двух сторон	2	5. Пластины с притупленной спинкой	10
4. Пластины с притупленной ретушью	25	6. Пластины с 2-мя притуп- ленными краями	5
со стороны брюшка	10	в том числе с выделенной "головкой"	3
со стороны спинки	15	7. Пластины с обработкой по углу	1
5. Пластины с торцевой обработкой	10		

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УРОЧИЩА РАЗДУМЬЕ

На правом берегу Оби, пятью километрами ниже с.Дровянки (Каменский район), есть высокий мыс, который с прилегающей к нему местностью называют урочищем Раздумье (рис.1).

Раздумье насыщено памятниками древности: на площади в 32 га здесь обнаружены: городище, поселение, три грунтовых и два курганных могильника. По насыщенности и разнообразию археологических памятников в Верхнем Приобье с ним могут соперничать лишь урочище Ближние Елбаны (Топчихинский район) и оз.Иткуль (Земанский район). Это позволяет считать Раздумье редким комплексом памятников археологии, без исследования которых невозможно решение некоторых проблем древней и средневековой истории верховобского региона.

Городище и курганы Раздумья, по нашим данным, были впервые зафиксированы директором Каменского краеведческого музея П.И.Ахневичем в 1922 г. В 1959 г. в урочище вел сборы подъемного материала и кладочастельские раскопки новосибирский коллекционер Б.Ф.Неймарк, сборы которого были приобретены в 1960 г. Алтайским краевым музеем. Осенью 1960 г. Раздумье было обследовано автором настоящей статьи и директором Каменского музея Г.А.Саранцевым, их сборы на поверхности городища хранятся в Каменском музее. В том же году экспедиция этого музея произвела аварийные раскопки в пунктах Раздумье I, II и IV. В 1961 г. аварийно-разведочные работы в пунктах Раздумье I, II-III дела экспедиция Алтайского краевого музея. Наконец, в 1965 и 1966 гг. археологические работы в урочище были возобновлены экспедицией Барнаульского пединститута, изучавшей древности в пунктах Раздумье I, IV-III. Работой всех названных выше экспедиций руководил автор; материалы их хранятся в Каменском и Алтайском краевом музеях и в Барнаульском пединституте.

В данной статье излагаются основные результаты аварийно-разведочных работ в пунктах Раздумье I-III, III в 1960-1966 гг.

Раздумье I - участок урочища, занятый городищем. Городище, расположенное на мысе, высота которого достигает 12-15 м, поднимается над прилегающим участком поля на 2-3 м,

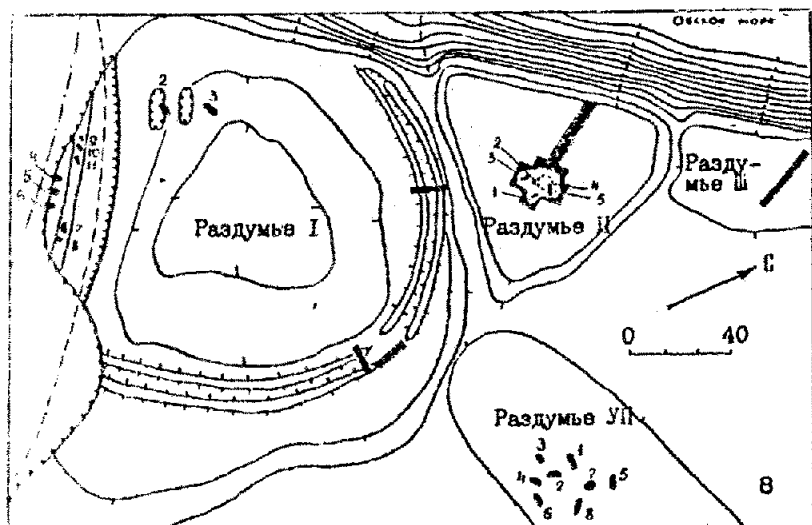
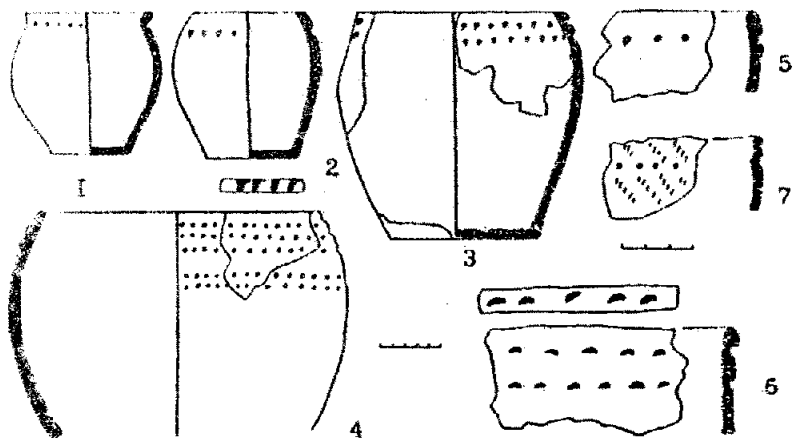

Рис. I. Керамика из урочища Раздутье II (1-7); план раскопок памятников у урочища Раздутье (8):

- подошва мыса в 1960 г.;
- подошва мыса в 1975 г.;
- верх террасы в 1960 г.;
- верх террасы в 1975 г.;
- раскопы в 1960-66 гг.;
- могила и её номер;
- ров и вал городища;
- современные хозяйственные ямы

имеет форму почти правильного круга диаметром около 250 м. На юге его естественным укреплением служит обрывистый берег Оби, на западе — крутой, хорошо задернованный склон верхней террасы, на севере — лощина глубиной более двух м. С западной — восточной и северо-восточной — стороны городище было прикрито рвом глубиной до 1,0 м и шириной более 2,5 м, по обе стороны которого протянулись земляные валы (современная высота их не превышает 1,0, а толщина у основания достигает примерно 2,5 м). Внутренний вал, как оказалось, был дополнен деревянным укреплением типа тына или частокола. Въезд в городище, шириной около 1,5 м, находился с северо-восточной стороны.

Территория городища основательно повреждена во время хозяйственных работ: на самом кончике мыса были сооружены печи для обжига извести, недалеко от них — ямы барачков, в которых жили рабочие торфоразработок, вдоль берега — ямы охотничьих скрадок; остальная часть городища была занята огородом местных жителей; в начале 60-х гг. XX в. большая его часть была вспахана лесоплугом и занята лесопосадками. Южная часть городища, кроме того, ежегодно разрушается волнами Обского моря.

Жилищных впадин внутри городища визуально не обнаружено. Культурный слой его весьма серьезно разрушен, что крайне затруднило ведение стратиграфических наблюдений. Выпаханные из нижних слоев материалы оказались перемешанными с более поздними: вся поверхность городища была буквально усеяна керамикой, костями животных, камнями и другими предметами, относящимися к различным историческим эпохам.

Широких раскопочных работ на городище не предпринималось: были заложены лишь раскопы поперек рва и валов, а также въезда в городище с целью выяснения глубины и ширины рва, толщины валов, ширины проезда. Были сделаны также зачистки обрушивающегося в воду берега, стен некоторых ям.

В процессе многолетних сборов, а также зачисток и аварийно-разведочных раскопок на городище составились коллекции керамики позднебронзового и железного веков. Здесь найдено большое количество костей диких и домашних животных — лоса, косуля, марала, лисицы, волка, коровы, овцы, лошади, собаки и др. (определение Э.В.Алексеевой). Много собрано камней со следами обработки и хозяйственного использования (например, камни, служившие грубыми ударными орудиями при дроблении трубчатых костей

животных, камни с симметрично расположенными выщерблинами, использовавшиеся в качестве грузил для рыболовных сетей, и др.).

Из каменных орудий труда, изготовленных из песчаника, наждака, сланца и других пород, следует отметить точилки, терки, грузила; из костяных орудий — провертки, проколки, острия для выкапывания корней растений, трепала, сделанные из лопаток крупных животных, а также черешковые наконечники стрел различных видов и размеров, заготовки на них и др. Среди находок есть серия просверленных бараньих астрагалов, возможно, служивших амулетами или игрушками для детей (рис. 2).

По всей видимости, городище было сооружено в конце I-го тыс. до н.э. Об этом говорит насыщенность его культурного слоя керамикой березовского типа (березовский этап датируется М.П.Грязновым временем II в. до н.э. — I в.н.э.). Городище едва ли могло быть сооружено в эпоху бронзы, хотя в культурном слое найдено некоторое количество керамики, типичной для финальной бронзы. Керамика карасукско-ирменского облика, видимо, случайно попала в район мыса, о чем свидетельствует незначительное количество черепков этого типа (они могли быть занесены из ирменского поселения, обнаруженного нами за пределами городища на берегу старицы Оби). Однако городище не пустовало и в верхнеобское время (II-VIII вв.) и во втором тысячелетии нашей эры, точнее в телеутско-чачекскую эпоху (XVI-XVII вв.): в пределах городища найдена керамика, типичная для верхнеобской культуры. Многочисленные грубые поделки из камня (точилки, грузила и др.) и кости (острия, провертки и др.), описанные выше, находят аналогии на чачекских городищах в районе д.Чыгызы (Новосибирская область).

Грунтоый могильник

В пределах городища были обнаружены захоронения, самые ранние из которых, по-видимому, относятся к эпохе энеолита. Хоронили здесь людей и после того, как было сооружено городище, а частности, в монгольское время. Так как могилы были изучены ила стали известны в разные годы, мы сочли возможным дать их описание в хронологической последовательности эпох, которым они принадлежат.

Определения пола и возраста погребенных выполнены В.А.Дрежниковым и Н.С.Розовым.

В 1965 г. в ходе аварийных раскопок в южной части городища были обнаружены 2 могилы эпохи энеолита.

М о г и л а 6 имела яму в форме неправильного овала размерами 1,2х0,75 м, глубиной 1,3 м от уровня современной поверхности, ориентированную по линии ССЗ-ЮЮВ; юго-восточная половина ямы обрушилась в реку. На дне могилы на спине, головой на север, руки вытянуты (кости ног обвалились в воду) лежал скелет мужчины палеомонголоидного типа в возрасте 50-60 лет. Кости его слабо окрашены в розоватый цвет.

В заполнении могилы были найдены угольки и астрагал баранины. Сохранились следы (тлен) деревянной обкладки и кола, вертикально стоявшего за черепом погребенного.

М о г и л а 7 также представляла собой яму в виде неправильного овала с расширением в юго-западной половине, размерами 1,55х0,75-1,20 м, глубиной 1,35 м от уровня современной поверхности. Она ориентирована по линии ССВ-ЮЮЗ и повреждена, вероятно, еще в древности.

На дне, почти в центре могилы, найдена черепная коробка, а у западной стенки - зуб, принадлежащие мужчине 40-45 лет монголоидного типа. В северо-восточной части могилы, у стенки, сохранились остатки кола. Черепная коробка окрашена в бледно-розовый цвет.

За черепной коробкой в кучке лежали костяной гарпун, два костяных ретушера, точильная пластина, обломки раковины речного моллюска и костяных пластинок, мелкие косточки животного, камни и среди них каменная скульптурка, по мнению А.П.Окладникова, изображающая голову верблюда; у восточной стенки ямы найден грубый наконечник стрелы из кварцита (?) с треугольным очертанием пера; в юго-западном конце могилы лежали две точильные пластины, три камня, три обломка костяной пластины, рог козули, обызвестковевшийся черепок толстостенного сосуда грубой работы, со следами заглаженности поверхности зубчатой лопаточкой или пучком сухой травы (рис.3). Состав инвентаря могилы 7 свидетельствует о необычном характере этого захоронения: возможно, это погребение шамана.

Форма и глубина могил, наличие в каждой из них кола, окрашенность костей скелетов позволяют думать об их хронологической близости, несмотря на то, что могилы имеют различную ориентировку. Хотя в могилах не найдено ни одного медного предмета,

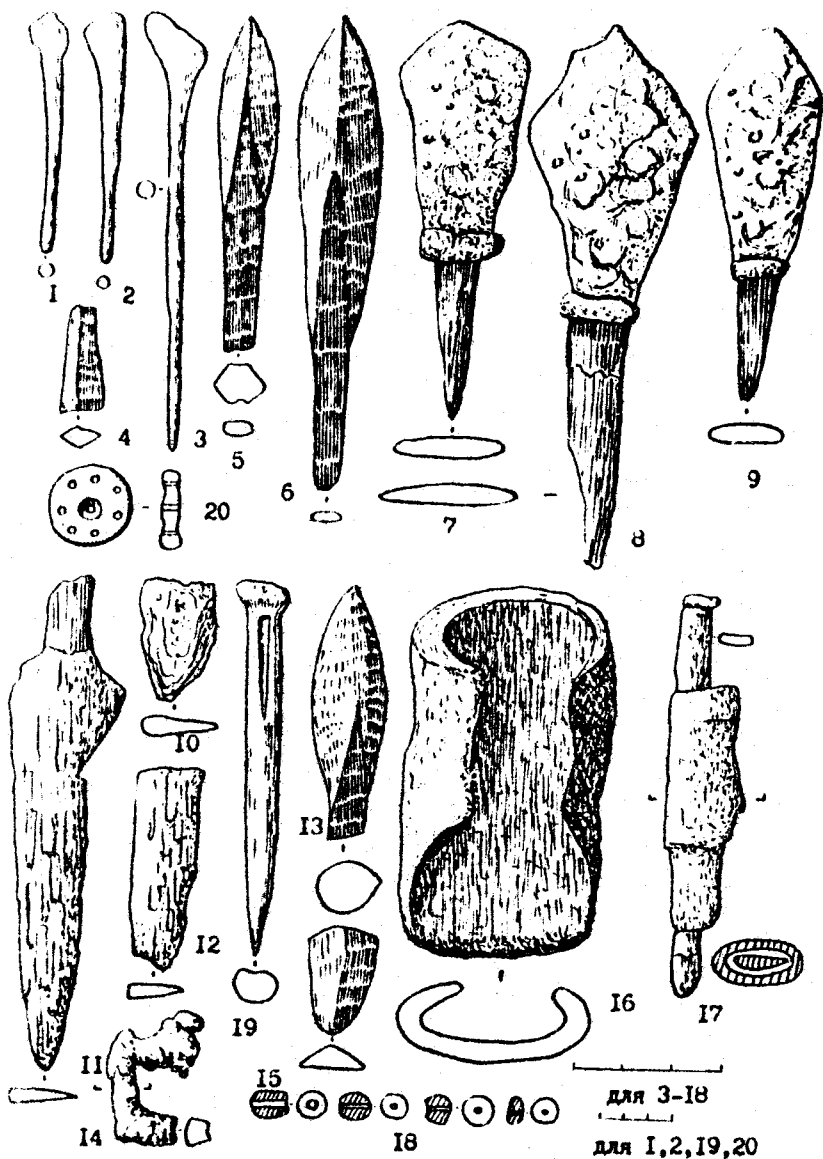

Рис.2.Находки из погребений в пунктах Раздумье I, II, III:
кость (1-6, 13, 15, 19), железо (7-12, 14, 16, 17), глина (20),
стекло (18)

тем не менее в инвентаре могилы 2 есть намеки на энеолитическую принадлежность этих захоронений: это точильные пластины и фрагмент сосуда, технология изготовления которого (в частности, заглаживание стенок лопаточкой или пучком сухой травы) обличается с афанасьевской /2/. Иными словами, у нас есть некоторые основания относить обе могилы к афанасьевской культуре (третье тысячелетие до н.э.).

Остальные погребения на городище принадлежат уже железному веку. Могилы 1-5 были исследованы до 1965 г., могилы 8-10 - в 1966 г.

М о г и л а 1 обнаружена при зачистке кромки обрывистого берега. Прямоугольная яма размерами 1,60х0,64 м, глубиной 1 м, ориентированная по линии СВВ-ЮЗЗ, была перекрыта березовыми жердями, застланными берестой. Перекрытие поддерживалось четырьмя вертикальными кольями. Дно ямы также было застлано берестой, на подстилке в берестяном гробу на спине, головой на ССВ, кисти рук сложены на лобке, ноги вытянуты (ступни обвалились в воду) лежал скелет возмужалого мужчины (определение Н.С.Розова). Гроб имел ладьевидную форму, сшит из бересты, побывавшей в употреблении, внутри он был заполнен серовато-бурой ворсистой массой - остатками войлочной или шерстяной одежды. (Вероятно, могила была потревожена раньше: левая плечевая кость торчала почти вертикально, выше уровня остальных костей скелета). На жердях перекрытия найдены бараний астрагал, неорнаментированный черепок и камень. В засыпке могильной ямы собрано 28 черепков березовского и верхнеобского типов, попавших в могилу, по-видимому, при ее закапывании.

Внутри гроба найдены ребра и крестец овцы (?), лежавшие у левого виска и за черепом. К погребению, возможно, относятся крупные фрагменты слабо прокаленного, толстостенного сосуда, орнаментированного рядами полукруглых ямок: эти фрагменты были найдены вместе с костями стоп, в осыпи напротив могилы.

Вокруг могилы были разбросаны кости лошадиного черепа, черепки разбитых сосудов - вероятно, остатки тризны.

М о г и л а 2 была разрушена при копке барачной ямы, размеры, форму и ориентировку ее определить не удалось. При зачистке северной стенки барачной ямы на ее дне найдено несколько костей рук и ног, а также обломки черепа, принадлежавшие взрослому человеку. Инвентаря не обнаружено.

М о г и л а 3 выявлена при разведочных раскопках севернее бараков. Прямоугольная яма размерами 1,5х0,6 м, глубиной 1,2 м была ориентирована по линии СВ-ЮЗ и перекрыта вдоль в два ряда березовыми жердями длиной до 1,7 м и толщиной 8-12 см. Перекрытие было застлано пластом бересты размерами 1,4х0,5 м, а дно ямы - берестяной подстилкой в два слоя. На подстилке лежал берестяной гроб, спитый в форме ладьи, с лентой-прошвой шириной 3-5 см по краям гроба.

В гробу на спине, головой на северо-восток, с вытянутыми руками и ногами лежал скелет ребенка 7-8 лет плохой сохранности. Около костей черепа найдена прядка волос; у левого плеча - пятно коричневого тлена (от какой-то деревянной поделки?), в области живота - берестяная плешка квадратной формы с остатками кашицы темного цвета.

М о г и л а 4 большей частью обрушилась в реку и была докопана весной 1962 г. школьниками из Камня. По рассказам школьников, яма имела глубину около 1 м, на дне ее в берестяном гробу на спине лежал скелет ребенка 1,5-2-х лет, головой на северо-восток. Сохранность костей скелета плохая. Инвентаря в могиле не было.

М о г и л а 5 также частично обрушилась в воду, была докопана в 1964 г. учителем Древлянской школы А.П.Бутаковым. По его словам, яма имела прямоугольную форму, глубина ее около 1,2 м, а ориентировка - по линии СВ-ЮЗ. На дне ямы лежал берестяной гроб, а в нем череп и несколько трубчатых костей женщины лет 50-60 монголоидного типа.

М о г и л а 6 обнаружена в 1966 г. при аварийных раскопках на кромке обрывистого берега. Прямоугольная яма размерами 1,6х0,55 м, глубиной 0,85 м от уровня современного горизонта была ориентирована по линии СВВ-ЮЗЗ. На уровне древнего горизонта могила была перекрыта вдоль березовыми жердями, а поверх них застлана берестой.

На дне ямы на тонких поперечных плашках стоял берестяной гроб, укрепленный изнутри по периметру тонкими плашками, поставленными на ребро. В гробу на спине, головой на северо-восток-восток, руки и ноги вытянуты, лежал скелет женщины 18-20 лет монголоидного облика /3/.

Сохранность скелета плохая, кости стоп выпали в обрыв. Лицевая часть черепа была прикрыта куском неплохо сохранившейся

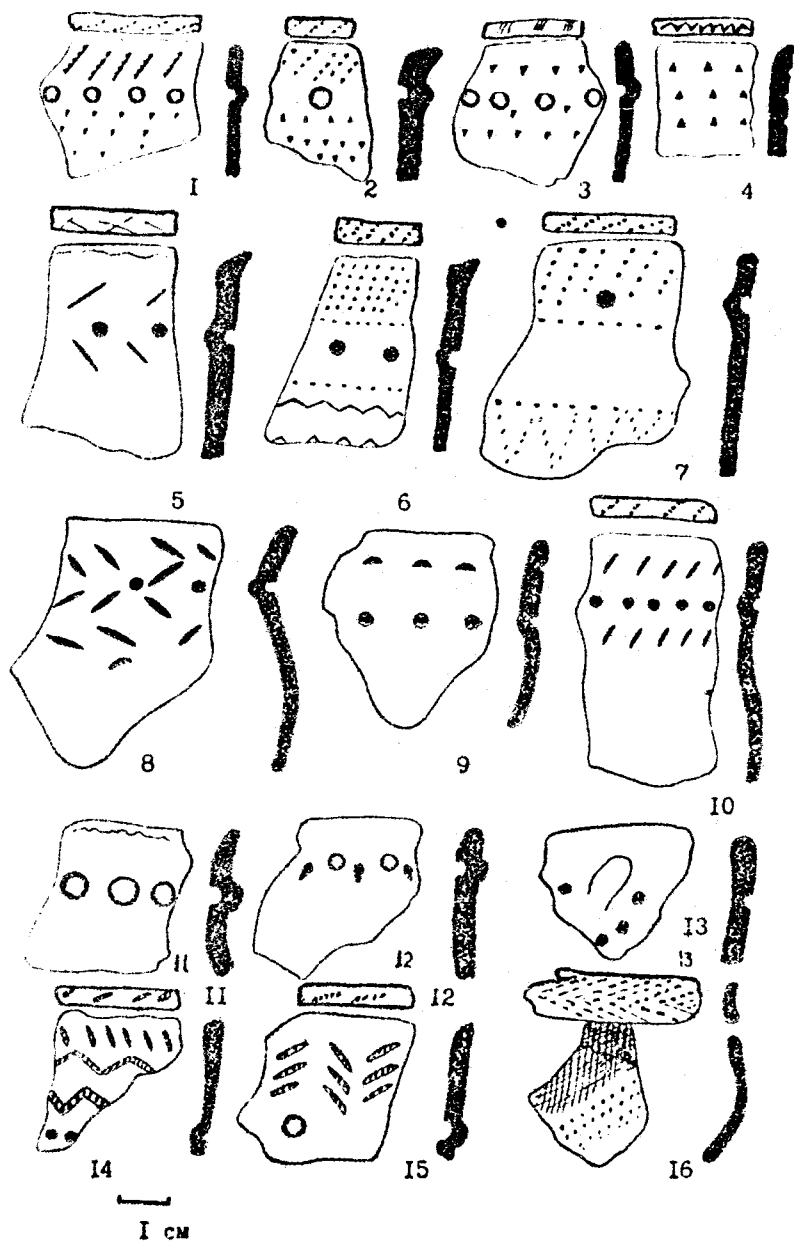

Рис.4.Образцы керамики из культурного слоя (Раздумье I, сборн 1960 г.)

грубой ткани, а труп умершей был либо обернут войлоком (кошмой), либо она была похоронена в шерстяной одежде, от которой остался рыхлый тлен бурого цвета.

У правой кисти умершей лежал небольшой железный нож, у черепных костей правой ноги — железный топор-керги, черешковый костяной наконечник стрелы трехгранного сечения — у правой стопы. Здесь же найдены два железных плоских выгнуторомбических наконечника стрел, еще один такой наконечник лежал у грудных позвонков (видимо, стрелы лежали в колчане опереньем в разные стороны, а колчан был положен поверх трупа).

В засыпке могилы оказался обломок затылочной кости взрослого мужчины, а также угольки, кусочки бересты и дерева.

М о г и л а 9 вскрылась при аварийных работах на кромке берега в 1966 г. Прямоугольная яма размерами около 1,5х0,6 м, глубиной 0,7 м от погребенного горизонта была ориентирована по линии СВВ-КЗЗ и перекрыта вдоль жердями и берестой (остатки перекрытия сохранились в стенках ямы на глубине 0,45 м от уровня современной поверхности). Дно могилы было застлано берестой. В засыпке ямы встречались угли, кусочки бересты и др.

На подстилке в берестяном гробу-конверте лежал на спине скелет ребенка лет 4-6, руки и ноги вытянуты, головой на КЗЗ. Сохранность скелета плохая: череп раздавлен, остальные кости истлели, превратившись в крошево. На останках ребенка найдены отпечатки и остатки грубоплетеной ткани и обрывки тонких сыромятных ремешков: возможно, труп был обернут какой-то тканью и обвязан ремешками.

В грудной полости найдены 6 крупных стеклянных бусин черного цвета, у левой стопы — астрагал барана.

М о г и л а 10 обнаружена восточнее могилы 9. Ее прямоугольная яма размерами 1,4х0,5 м, глубиной 1,1 м от древнего горизонта была ориентирована по линии СВВ-КЗЗ, перекрыта вдоль жердями, застланными берестой. На дне, в концах ямы, поперек были положены две жердочки, поверх них — берестяная подстилка. На нее был уложен берестяной гроб ладьевидной формы. В засыпке ямы были угли, береста, кости животных.

В гробу на спине, головой строго на КЗ, ноги вытянуты, руки несколько разведены в стороны, лежал скелет ребенка 4-5 лет. От скелета сохранились лишь черепная крышка, несколько зубов,

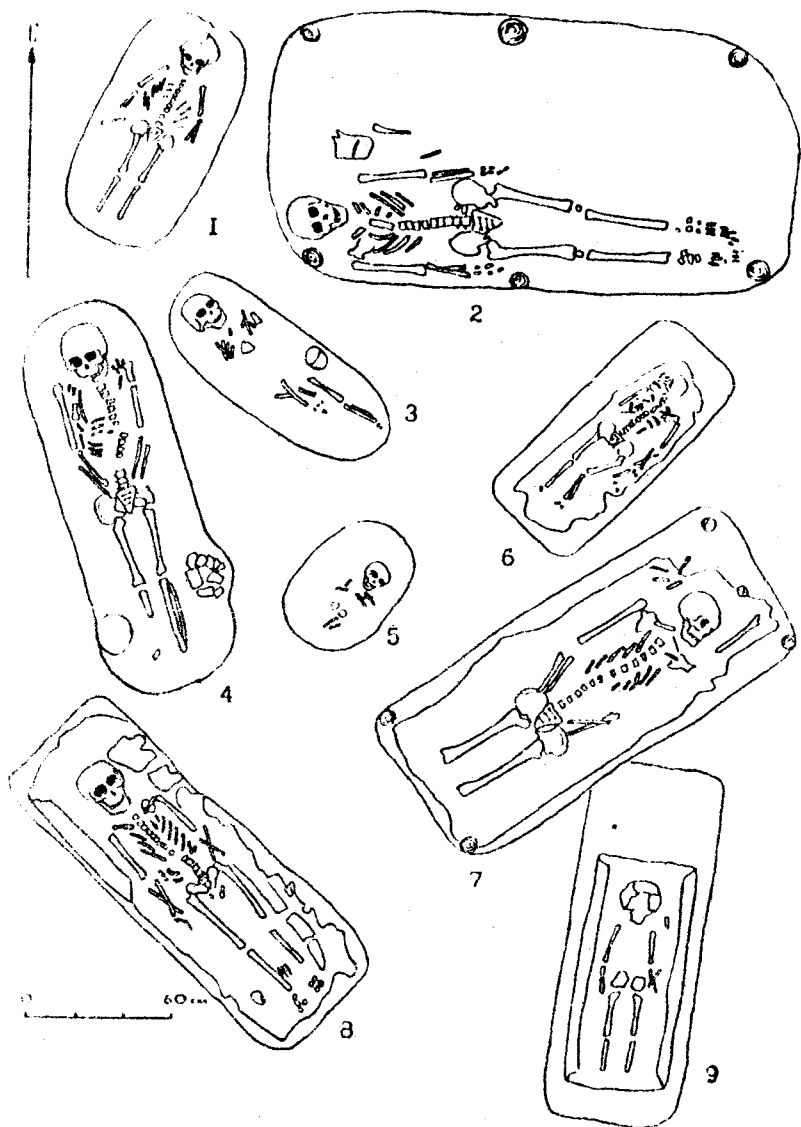

Рис. 5. Планы погребений в Раздумье I - могилы I(7), 3(9), 8(8); Раздумье II - могилы I(3), 2(5), 3(4), 5(2); Раздумье III - могилы I(6), 2(1)

трубчатые кости рук и ног. На костях найдены остатки грубой ткани, у правого бедра – железный ножище, у костей таза и у правого колена – 4 бараньих астрагала.

Видимо, эта могила была подзахоронением к могиле 9: перекрытия их фактически смыкаются, несколько разнятся лишь глубина ям и ориентировка скелетов.

Половина могил принадлежит взрослым, другая – детям. Инвентарь могил весьма беден, почти не содержит датирующих комплексов. Исключение составляет, по сути дела, лишь могила, где найдены наконечники стрел и топоров-керги. Типология топоров-керги не разработана ввиду крайней простоты их формы: почти в неизменном виде они бытовали от эпохи древних тюрков до недавнего времени, поэтому наличие их в могиле не решает вопроса о датировке погребения. Мало помогает делу и находка костяного черешкового наконечника стрелы с трехгранным сечением пера. Что касается плоских вытянутоморбических наконечников из могилы, то аналогии им, найденные на Ближних Елбанах, М.П.Грязнов датировал первой половиной второго тысячелетия н.э. /1, табл. XI-3/. А.А.Гаврилова датирует могилы, в комплексах которых содержатся такие наконечники, Xш-XIV вв., относя эти могилы к часовенно-горскому типу /3/. А.П.Дульзон находил такие наконечники вместе с топорами-керги в курганах Тургая и Балагачево на Чулыме, датированных им началом Xш в. /4/. Таким образом, есть основания считать, что могильник на Раздумье I может быть датирован периодом между Xш в. и началом XIV в. Для определения более узких хронологических рамок этого памятника имеющихся материалов недостаточно, тем не менее мы считаем возможным датировать их Xш-XIV вв. Еще труднее определить этническую принадлежность погребенных.

Основными занятиями населения, составившего могильник на Раздумье I, были охота, собирательство, рыбная ловля, домашнее скотоводство. Быт его был оседлым, о чем говорит широкое распространение разнообразной берестяной посуды, из которой святи гробовища (коробы, туеса, чашки и др.). Из железа они изготовляли топоры, ножи, наконечники стрел. Умели обрабатывать кость, дерево, бересту, кожу, выделять войлок и т.д.

Раздумье II. Этот пункт является частью задержанной песчаной дюны, отделенной от городища на юге и юго-западе ложбиной шириной в 10-15 м. При разведочных работах в 1960 г.

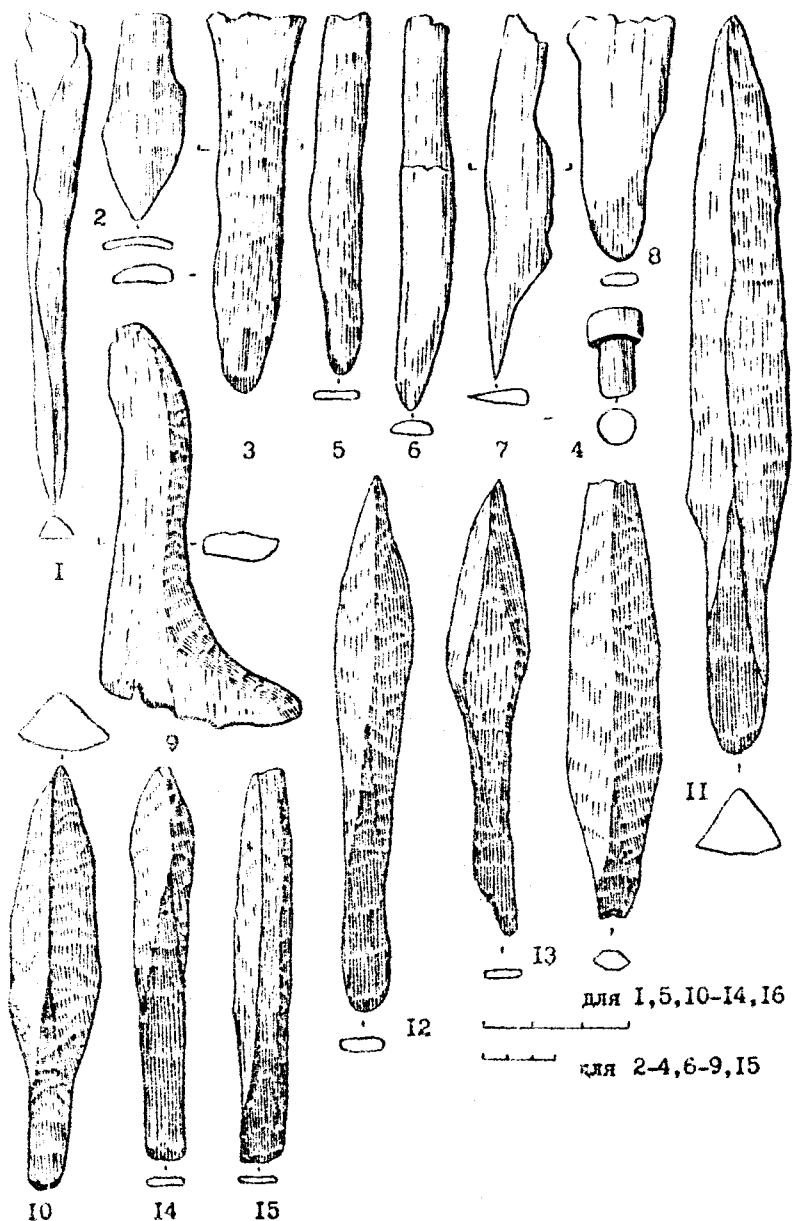

Рис. 6. Изделия из кости (Раздутье I, сборы 1960 г.)

здесь обнаружен грунтовый могильник, раскопано 5 захоронений.

М о г и л а 1 имела овальную яму размерами 1,0х0,25 м, глубиной 0,55 м, ориентированную по линии СЗ-ЮВ. На дне ямы лежал скелет ребенка 4-х лет. Кости скелета потревожены, но судя по положению трубчатых костей рук и ног, труп был положен на спину, вытянуто, головой на северо-запад. У костей таза найдены черепки раздавленного круглодонного горшка, украшенного круглыми и треугольными ямками.

М о г и л а 2 была расположена под прямым углом к могиле 1, в 0,5 м от последней. Ее овальная яма размерами 1,0х0,45 м, глубиной 0,5 м ориентирована по линии СВВ-ЮЗЗ.

На дне ямы лежал скелет ребенка 3-х лет /5/, на спине, вытянуто, головой на СВВ. У левого колена его стоял плоскодонный горшок грубой работы, украшенный рядком треугольных ямок.

М о г и л а 3 имела подпрямоугольную форму размерами 1,65х0,45 м, глубиной 0,2 м от уровня современного горизонта. Яма была ориентирована по линии ССЗ-ЮЮВ.

На дне могилы на спине, головой на ССЗ, в вытянутом положении лежал скелет человека лет 20 /5/. Верховые кости правой ноги обломаны при копке ямы для столба в наше время. У левого колена найден разбитый плоскодонный горшок, украшенный двумя рядками ямок. За ногами обнаружены черепки, кости животного, остатки кола, отложения которых к могиле неясно.

М о г и л а 4 была разрушена при копке ямы под спаренный столб: в засыпке столбовой ямы найдены обломки черепа и другие кости ямши, кости животных и костяной черешковый наконечник стрелы с пером шестигранного сечения.

М о г и л а 5 имела подпрямоугольную яму размерами 2,05х0,65 м, глубиной 1,15 м от современного горизонта, ориентированную по линии запад-восток. Стенки ямы, видимо, были обложены горбылями (от них остался лишь тлен), которые крепились 6 столбиками (остатки их сохранились по углам и в середине длинных стенок ямы).

На дне ямы на спине, вытянуто, головой на запад, лежал скелет зрелого мужчины. Череп и другие кости скелета хорошо сохранились. У левого плеча лежали ребро быка и лопатка животного, на лопатке - железный нож. За пределами ямы, на древней почве, была найдена нижняя челюсть лошади.

Кроме того, на древней почве между могил обнаружены обломок горшка, точильный камень, костяная проколка, глиняное орнаментированное пряслице, много камней и костей животного (в том числе череп лошади) и другие предметы.

Могилы 1-4, судя по их незначительной глубине, положению и ориентировке погребенных, а также по керамике (грубая работа, плоскодонность, бедность орнаментации и др.) датируются нами пока в широких рамках XI-XII вв. Могила 5 с ее широтной ориентировкой, положением скелета, внутримогильным устройством и инвентарем скорее всего может быть датирована березовским временем, т.е. II в. до н.э.-I в. н.э.

Раздумье III. Этот пункт является продолжением песчаной дюны, отделяется от Раздумья II мелкой ложбиной шириной 5-6 м. Раздумье III на один метр ниже уровня Раздумья II и на 2-2,5 м ниже Раздумья I. Здесь был заложен разведочный раскоп с северо-запада на юго-восток размерами 10x1 м, наибольшая глубина его - 0,75 м от уровня современной поверхности.

В пределах раскопа найдены кости лошади, костяная проколка длиной 10,5 см, черепок без орнамента. Возможно, здесь тоже есть могильник.

Раздумье УП. Невысокая дюна (с 1961 г. распахана и облеснена), протянувшаяся с ЮЗ на СВ (почти от городища) на 200 м. На дюне сооружены речниками знаки, указывающие направление фарватера. В 1960 г. здесь занимался поисками кладов новосибирец Б.Ф. Неймарк. В 1961 и 1965 гг. разведочными раскопами установлено, что дюна занята могильником. Всего на дюне раскопано 8 могил.

Могила I. Прямоугольная яма размерами 2,3x0,95 м, глубиной 0,9 м от древнего горизонта, ориентирована по линии ЮЗЗ-СВЗ, перекрыта поперек 24 жердями, застланными в два слоя берестой, которая, в свою очередь, была придавлена тремя продольными бревнами. На дно были положены 3 поперечины, поверх них береста, а на нее поставлен берестяной гроб ладьевидной формы. При обвале северного края могилы обрушившееся перекрытие было придавлено к южной стенке могилы, а продольные бревна упали на гробовище. В гробу вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ, лицом на юг, левый локоть отведен в стороны, лежал скелет взрослого мужчины. Костей правого предплечья в могиле не оказалось.

Между левой кистью и тазом найден железный нож в берестяных ножнах, под левой рукой - небольшой ножичек, куски ржавого железа и камни (красало?). За черепом прослежен тлен удилица или дудки, протянувшийся от дна до самого верха ямы.

Подстилка, берестяное перекрытие и гробовище шиты из крупных пластов бересты от старой утвари, соединенных продольными берестяными же лентами. К головному концу покрытия были пришиты снизу два полукруга диаметром около 0,4 м и квадрат тоже из бересты, еще один полукруг подшит под костями таза. Нижние листы гроба загнуты вверх и соединены с верхними по краям продольными берестяными лентами.

М о г и л а 2. Прямоугольная яма размерами 1,0х0,5 м, глубиной 0,6 м от уровня древней поверхности, ориентирована по линии СВВ-ККЗ. На дне ее на спине, вытянуто, руки чуть разведены в стороны, головой на СВВ, лежал скелет ребенка 3-4-х лет плохой сохранности. Справа у таза найден железный ножик, под нижней челюстью - черная и 5 белых бусин из стекла.

М о г и л а 3. Овальная яма размерами 1,0х0,5 м, глубиной 0,2 м от уровня древнего горизонта, ориентирована по линии СВВ-ККЗ, была перекрыта берестой в два слоя. На дне ямы, застланном берестой, лежал берестяной же гроб в форме ладьи размерами 0,7х0,4 м. По краям нижних листов гроба, загнутых вверх, была пришита берестяная лента. В гробу лежал скелет ребенка 2-3 лет, на спине, головой на СВВ.

М о г и л а 4 разрушена грабителями, глубина ее - 0,45 м от уровня погребенной почвы, ориентировка - по линии СЗ-КВ. В заполнении и на дне ямы найдены отдельные кости мужчины преклонного возраста.

М о г и л а 5 разрушена Б.Ф.Неймарком, имела, по его словам, форму овала и была ориентирована по линии запад-восток, глубина ее - около 1 м от уровня древней поверхности.

На дне ямы обнаружены кости старого мужчины. Возможно, умерший был погребен в скорченном положении ("руки и ноги лежали вместе"), либо могила была потревожена еще до "раскопок" Б.Ф.Неймарка.

М о г и л а 6 также разрушена грабителями. Глубина ее - 0,7 м от уровня погребенной почвы, наиболее вероятная ориентировка - по линии СВВ-ККЗ. На дне ямы в беспорядке лежали кости взрослого мужчины.

М о г и л а 7 разрушена грабителями и "раскопками" Б.Ф.Неймарка. Последним в ней была найдена лишь черепная крышка человека.

М о г и л а 8 имела прямоугольную яму размерами 2,2х0,7-0,8 м, глубиной 0,8 м от уровня древнего горизонта. Она была ориентирована по линии СЗЗ-ЮВВ, перекрыта березовыми жердями, по дну обложена бревнами. На дне ямы на спине, головой на СЗЗ лежал плохо сохранившийся скелет женщины зрелого возраста.

Полученный в ходе раскопок незначительный и маловыразительный материал (нож в берестяных ножнах, стеклянные бусины) не позволяют уверенно судить о датировке могильника. Опираясь на сходство погребального обряда могил из пунктов Раздумье УП, I и II (глубина и ориентировка могил, широкое использование бересты, положение и ориентировка умерших и др.), можно в предварительном порядке датировать могильник на Раздумье УП вторым тысячелетием н.э. Но не исключено, что он оставлен верхнеобскими, обитавшими в городище после березовцев (наличие ножей в берестяных ножнах, широкое применение бересты в погребальном обряде и др.).

Последовательность смены населения на Раздумье нам представляется следующим образом:

- сначала мыс на Раздумье I был занят могильником энеолитического населения;
- в эпоху финальной бронзы по соседству с мысом появилось поселение ирменцев (пункт Раздумье У);
- в березовское время на Раздумье I было сооружено городище, могильником его обитателей стало Раздумье II (могила 5) и курганы каменного типа в пункте Раздумье IV;
- в верхнеобское время городище было занято группой верхнеобской культуры, могильником его стала дна на Раздумье УП;
- позже, в монгольское время (XIII-XVI вв.), городище снова стало кладбищем (курганы XIII-XIV вв. есть и в пункте Раздумье IV);
- в XVI-XVII вв. в городище снова обитала какая-то группа, хоронившая своих сородичей в могильнике на Раздумье II, а также, возможно, на Раздумье III и УП.

В русских актах XVII в. есть сведения о "небогатых людях", живших на берегах Оби южнее русско-телеутской межи "для рыбной ловли" /6/, бывших данниками телеутского князя Абака в начале 30-х гг. XVII в. Возможно, это были тулуманские или тулу-

бердинские татары, жившие выше чатских татар по Оби, в районе Бердска, что подтверждается таким топонимом, как речка Тулу-Бердь (впадает в Обь между Бердском и Новосибирском). Кстати, еще на картах XIX в. вершина реки Берди именуется Улу-Бердью (Большой или Великой Бердью - А.У.). Вероятно, Тула-Бердь или Улу-Бердь дали имя названной выше группе обитателей Приобья /5/. Находки большого количества камней известняка, приспособленных к употреблению в качестве грузил к сетям или неводам, на городище позволяют отождествить последних по времени обитателей Раздумья с "небогатыми людишками" - рыболовами князя Абака.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Г р я з н о в М.П. История древних племен Верхней Оби // МИА.- 1966.- № 48.- С.96-97.
2. К и с е л е в С.В. Древняя история Южной Сибири // МИА.- 1949.- № 9.- С.16.
3. Г а в р и л о в а А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.- М.;Л., 1965.- С.44-49, табл.ХХУ, 4,8,9.
4. Д у л ь з о н А.П. Чулымские татары и их язык // Уч. зап. Томского гос.пед.ин-та.- Т.IX.- Томск, 1952.- Табл.1,III,IV, IX.
5. У м а н с к и й А.П. Телюты и русские в XVII-XVIII вв.- Новосибирск, 1980.- С.48.
6. М и л л е р Г.Ф. История Сибири.- Т.П.- М.;Л., 1941.- Прил.- С.396 и др.